

Взрыв Бетельгейзе

*Твои глаза открыты, вокруг не мрак,
Так почему не хочешь видеть мира?
Смотри быстрее, пока он не иссяк
В чужих глазах...от взрыва.*

«Всем нам прекрасно известна одна из самых огромных ошибок ученых двадцать первого века. Хотя, если мыслить шире, то эту же ошибку совершали ученые на протяжении последних пятисот лет, верно?»

«смех в зале»

Если же ты, наш дорогой телезритель, не потратил последние пятьдесят лет своей жизни на беспробудный сон, то наверняка слышал о взрыве одной из ярчайших звёзд нашего небосвода – Бетельгейзе. Взрыв взбудоражил все мировое научное сообщество, ведь к нему готовились не раньше, чем через несколько тысяч лет, а оказалось, что звезда стала сверхновой уже по меньшей мере пятьсот лет назад. Это событие могло наблюдать наше старшее поколение ровно полстолетия назад. Такая круглая дата. Ночь пропала на две недели, и люди выходили в три часа ночи на лужайку почитать вчерашнюю газеты, потому что свет от лампы был слишком тусклым. Ах, как жаль, что мне всего тридцать шесть.

«ведущий наигранно утирает слезы»

Да-да, я знаю, что вы все сейчас думаете. У нас закончились интересные сюжеты, и мы решили уподобиться нашим коллегам с КуанТв – не обижайся Фрэнк – и клепать второсортные новости столетней давности. Ну что вы! Я никогда бы так с вами не поступил, дорогие телезрители. Уверяю, что сегодня мы, ШиФейТв, приоткроем завесу тайны, которая охватывает это грандиозное по своим масштабам событие и принесет в вашу жизнь немного мистики.

«зал зааплодировал»

Сегодня ровно в 12.00 мы расскажем все секреты загадочной кометы и как изменилась жизнь людей на Земле. Я ведь не один заметил нечто странное, да? Следите за нашим ка...»

[Леон Мартис]

Леон Мартис одним нажатием кнопки обрубил все связи с миром по ту сторону экрана. Жаль, что он не мог сделать так с миром по эту сторону. Его раздражал ведущий, ведь таких лжецов еще стоило поискать. Если бы дело было в деньгах, Мартис бы понял, но одной встречи с этим белозубым плутом хватило, чтобы понять – ему это доставляет удовольствие. Эта мысль навела мужчину на желание выпить, но через пару часов предстояла изматывающая нервы и душу работа. «Выпью после всего этого цирка», - мрачно подумал Мартис и с усилием встал с дивана.

На часах было без пятнадцати десять, когда тучный невысокий мужчина слегла за сорок решил приготовить себе завтрак, так как его жена бессовестно дрыхла в кровати. Ей вообще не было знакомо понятие времени. Мартис задумался, размышлял ли он о времени раньше, когда был моложе. Для начала он не смог вспомнить, что когда-то был моложе. Разве у него не всегда была это проседа на висках? А морщины? Разве лишь недавно они

начали танцевать по его лицу без передышки? Неужели и у него когда-то были силы быть везде одновременно и со всеми сразу? Разве что в мыслях.

Пока омлет умирал в агонии на сковородке, мужчина отыскивал за диваном сумку жены и принялся в ней рыться, пока не отыскал заветные сигареты. Он закурил. Обычно такое случалось крайне редко. Ну, курение. В сумке жены Мартис лазил постоянно, надеясь найти там то ли записки от любовников, то ли хотя бы аромат чужого одеколона. А вот сигареты он буквально не переносил и курил исключительно, чтобы себе об этом напоминать.

Комната наполнилась отвратным запахом табачного дыма. Лестница ни разу не скрипнула, но мужчина догадался, что жена по ней спустилась. С ее-то весом и он едва ощущал в ней живой дух. Она буквально порхала над землей.

- Доброе утро, - буркнул Мартис, выдыхая дым.

Женщина замерла на ступеньках. Она знала, что он не курит. А он знал, что курила она. Ему было от этого противно, но обычно жена так мастерски все скрывала, что мужчина уступал ей этот порок лишь ради забавы. Этакая игра в сыщика и преступника. В этот раз она прокололась, и он не преминул ей об этом «сказать».

- У тебя омлет сейчас сгорит, - парировала Нина Мартис.

- Тогда брось его умирать и завари мне кофе.

Женщина послушно исполнила просьбу, попутно сготовив пару тостов.

Больше в ближайший час они не проронили ни слова, заставляя друг друга гадать, кто же выиграл этот раунд. Через час противно зазвонил рабочий телефон, и Мартис оторвался от созерцания кухонной вазы. На другом конце бодрым и веселым голосом коллега высказывал свои ожидания по поводу сегодняшнего интервью:

- Ну что, разобьем в пух и прах эту сомнительную передачку?

- Не будь таким самоуверенным, у этого шоу уже тысячи фанатов.

- Да ради бога, откуда им взяться, ни одного выпуска ж еще не было.

«Донарс как всегда плохо разбирается в ситуации», - раздраженно подумал Мартис, желая побыстрее закончить разговор.

- Алек, этим людям обещают буквально все тайны Вселенной, окутанные мистикой, - мужчина нарочно наигранно протянул «и». - Проверь ближайшие супермаркеты. Спорю, ты не найдешь там ни одной упаковки фольги и ни одного дуршлага.

- Тебе бы лишь поиздеваться над моим хорошим настроением, Леон! Кто знает, может у них там и правда толпа пришельцев.

- До встречи через час, Донарс.

Мужчина сбросил звонок быстрее, чем коллега успел вставить еще хоть слово. Жена загадочно на него посмотрела, но, видно, не придумала, что сказать. Тогда он спросил первым:

- Ты сегодня занята после обеда? - Мартис знал ответ, но так хотелось с утра потешить свое самолюбие.

- Только если ты не скажешь обратного, - сказала Нина, мягко улыбнувшись.

Ему нравилось, когда она так говорила. Он позволял ей не работать, гулять до утра и заслушиваться речами неизвестных мужчины, потому что знал, что в любой момент мог все это прекратить, запереть ее дома и приказать весь день читать «Завоевание межпланетных пространств» Кондратюка. И она бы так и поступила.

- Тогда встретимся в парке часа в два, - он сказала это через чур утвердительно. - А, и дорогая, не включай сегодня телевизор. Там показывают одни антинаучные глупости.

Жена кротно кивнула, но все же спросила:

- Это связано с твоей работой? Правда собираешься смеяться над этими несчастными?

Мартис непроизвольно скривился. У его жены тоже был на голове невидимый дуршлаг. Но прежде, чем окончательно разочароваться в браке, он услышал:

- Все-таки такого рода заболевания психики не редкость последнее время. Может не стоит их публично унижать?

Мужчина вздохнул, но не ответил. Разговоры о работе быстро его утомляли. Ему так и хотелось крикнуть: «Работа – это просто деньги, Нина! В этом нет ничего интересного или неправильного. Только источник заработка». Он собрался в впопыхах и вышел на улицу не попрощавшись. Предстоял долгий день. Мартис чувствовал это всей поверхностью тела. Казалось, даже воздух, залетающий ему в легкие, шептал об этом.

Мероприятие проходила в небольшого размера театре, и зал уже был неприлично переполнен, когда Мартис в него зашел. Сотни глаз на секунду задержались на его лице, а затем там же быстро испытывающее посмотрели на следующего вошедшего. Публичные мероприятия неосознанно выбивали мужчину из колеи, хоть он и провел на них почти всю свою осознанную жизнь. Никогда нельзя привыкнуть к завистливому, недоверчивому и фанатичному обществу телевидения. Можно сказать, быть такими была их работа. И его, собственно, тоже.

- Эй, Леон! – Донарс заметил его в толпе и поманил к себе в первые ряды.

Мартис мечтал оказаться подальше от сцены, чтобы издалека не видеть всю ту маску притворства, что цепляют на себя работники телевидения. Но опять же – работа.

- Присаживайся, коллега. Думаю, видок отсюда будет, что надо, - сказал Алек, новенький, еще не знавший правил этикета журналистов, и поэтому улыбающийся совершенно искренне и без умысла.

- И что это значит?

- Что нам намного проще заметить какие-нибудь тонкости и молниеносно задать вопрос.

«Поработай лет двадцать и не будешь знать, куда от этих тонкостей деться», - мрачно подумал Мартис. Он пылился в первых рядах второсортных передач не первый год. И, наверняка, далеко не последний. Карьерный рост в какой-то

момент стал для него синонимом пытки. Для того, чтобы еще глубже лезть в чужое грязное белье, ему слегка не доставало аморальности. «Это просто работа. Просто деньги», - мужчина повторял себе этот девиз последние двадцать лет.

Свет стал затухать, и журналист поблагодарил свое плохое зрение за то, что больше не видит счастливое лицо Донарса по соседству. Сцена засияла в лучах прожекторов, и на нее вышел тот самый ведущий, от которого у Мартиса сводило зубы. Легкая улыбка публике. Свет. Камера...

- Здравствуйте, наши дорогие зрители и телезрители. Я так рад, что вы активно поддерживали это шоу. На обновление новостей на нашем сайте подписалось по меньшей мере десять тысяч человек. А это немало для недельной рекламы, верно?

Зал зааплодировал.

- Мне очень тепло на душе от этих цифр. Но мы поговорим не об этом. Я обещал вам сенсацию, и сейчас вы ее получите.

Мартис слышал, как тысячи хищников, зовущих себя журналистами, приготовились к прыжку. Их наточенные до идеала карандаши уже скребли чистые бумажные листы блокнота в ожидании. Донарс закопошился в сумке в поисках своего набора. Сам мужчина просто принял позицию поудобнее и прищурил глаза, чтобы замазанное тональным кремом лицо ведущего не так сильно его отвлекало. Он знал свою работу. И она была не в том, чтобы записать то, что скажу люди на этой сцене, а в том, чтобы они сказали то, что он от них хотел.

Ведущий коротко пересказал превью из рекламного ролика, снова обращая внимание на всеми уже давно забытую Бетельгейзе. Тысячи каналов взрывали ее в памяти людей снова и снова на протяжении нескольких лет после происшествия. Но чтобы спустя пятьдесят...

- Но сегодня я не хочу говорить о звезде. Мне хочется обратить ваше внимание на то, как она повлияла на жизнь землян. В частности, тех пяти процентов населения, которые нам известны.

«А тебе известен процент актеров, умирающих на сцене прямо во время выступления?» - эта мысль была жестокой, но пришла в голову так кстати. Зал зашептался, шестеренки в умах людей закрутились, невидимые дуршлага были вытащены.

- Один из вечных вопросов человечества: «Что же ждет нас после смерти?». Что, если я возьмусь ответить на этот вопрос прямо здесь и сейчас? Не спешите мне верить на слово. Но все же хотели ли вы познакомиться с людьми, чья жизнь оборвалась однажды, а после зажглась вновь? С теми, кто побывал в прошлом, а теперь пришел в будущее. Они вестники перемен, люди, способные доказать, что смерти не существует. Есть только... - ведущий замолк, нагнетая обстановку. Его тяжелое дыхание было слышно в микрофон, словно он сам верил в то, что говорит. - Вы верите в реинкарнацию, дорогие друзья? - произнес мужчина почти шепотом.

Мартис плечом почувствовал, как у Донарса пробежали мурашки по телу. По нему самому пришлось целое стадо. Но вряд ли по той же причине. Просто журналист вдруг ужаснулся от того, насколько низко пало телевидение в попытке сохранить аудиторию. Он чуть не рассмеялся в голос на десяти

тысячах подписчиков. Кого он хотел впечатлить? У большинства в домах телевизоры стоят лишь по старой памяти. Ну, а реинкарнация...Прожжённый скептик внутри Мартиса закурил сигарету и зевнул.

- Сейчас я хочу представить вам троих удивительных людей, приехавших в этот город – даже в эту страну – ради вас, ради правды, которая поможет нам всем больше не бояться смерти. Встречайте!

Зал взорвался аплодисментами, как будто людям за это платили. Или так и было? Мартис откинулся на спинку стула. Высокая женщина, сидящая перед ним в первом ряду, наполовину загораживала ему обзор, а он так хотел увидеть лица очередных фанатиков. Мужчина уже мысленно делил их на типы: запуганный проходимец, безработный бродяга, близкая знакомая сценариста... Этот список пополнялся нечасто, но, если такое случалось, Мартис уже считал, что развлекся неплохо. «Кто бы это ни был: хоть женщина, хоть ребенок - все на одно лицо, когда начинают врать» - статья в голове журналиста уже практически была закончена.

Однако мужчина никак не ожидал, что в следующую секунду на сцене появится и женщина, и ребенок. Они вышли молча, без лишнего пафоса и неуклюжих улыбок, хрупкая миниатюрная блондинка лет двадцати пяти и подросток, наверняка еще даже не окончивший школу. От удивления Мартис даже забыл, что участников должно было быть трое. Его словно облило холодной водой, и почему-то день показался ему еще более неудачным, чем утроем. Отчего-то стало тревожно.

«Все-таки стоило выпить в утра», - подумалось мужчине, когда мальчик подал голос:

- Эм, здравствуйте, - он еле слышно пробубнил что-то еще, но даже в микрофон этого оказалось не слышно.

Несчастный подросток замялся, покраснел с головы до пят и перевел взгляд своих несчастных голубых глаз на ведущего. Тот по-идиотски ободряюще ему улыбнулся. В зале вновь прокатилась волна шепота. Тогда заговорила миниатюрная блондинка:

- Добрый вечер, меня зовут Маргарет Авельсон, - она произнесла это без грамма дружелюбия, похоже, даже не пытаясь качественно отработать заплаченные ей деньги.

Затем девушка тоже попыталась поймать взгляд ведущего, но тот уже успел бессовестно удалиться за сцену, чтобы, по-видимому, разобраться с отсутствием третьего участника. Несчастные «актеры» были оставлены на растерзание публики. Один стоял, потупив взгляд, вторая без стеснения рассматривала зрителей в первых рядах. На секунду ее взгляд скользнул по Мартису, от чего тот вдруг почувствовал себя двадцатилетним мальчишкой.

- Вам заплатили за то, чтобы вы вышли на сцену? – донесся вопрос из зала. Похоже, это даже не был журналист.

«Правильнее было спросить, сколько им недоплатили, раз они стоят, ничего не говоря», - раздражено отметил Мартис, - «А еще лучше было бы спросить, видели ли они в глаза сценарий».

Тишина стала затягиваться. Где-то за сценой доносились гневные вопли ведущего. Вот на что бы журналист не отказался посмотреть. Удивительно, как быстро шоу себя исчерпало. Ничего даже не успело начаться.

Мужчина встал. Просто потому, что кто-то должен был сделать это первым. Затем стадное чувство все равно сделает свое дело. А ему здесь делать было больше нечего. Статья напишется где-нибудь завтра за ужином, бросится под руку шефу где-нибудь во вторник и умрет под грузом интересных новостей уже в четверг. Пусть и без лишнего пафоса, но достойно, как для второсортной статейки.

- Пойдите, сэр, - юношеский голос неожиданно заставила Мартиса замереть на месте. - Да, вы, здравствуйте, - мужчина развернулся к сцене, чтобы запечатлеть в своем разуме теплую улыбку веснушчатого паренька. - Извините, у вас, наверное, есть дела поважнее, но все же позвольте узнать причину вашего ухода. Разве вам не интересно, что будет дальше?

По залу прокатилась волна смешков.

- Нет, юноша, не интересно, потому что этот спектакль я смотрел уже тысячу раз, - мужчина почтительно поклонился и снова зашагал к выходу.

- Сколько вам лет? - не отставал мальчуган.

«Что ж, пожалуй, я сыграю в эту игру» - он показательно вздохнул и медленно вернулся на свое место под полную тишину зала и лишь затем как бы неохотно произнес:

- Сорок четыре.

- И вы, конечно, же знаете, как вас зовут?

Журналист усмехнулся:

- Ну естественно. Вот, смотри, у меня даже бейджик имеется, - он снял карточку с рубашки и показательно прочитал: - Леон Мартис, - ему показалось, что некоторые в зале охнули.

Он не был выдающимся журналистом, но кое-какие его статьи бывало мелькали в крупных газетах. Поговаривали, что кому-то они даже нравились.

- Вы знаете, где родились?

- Кажется, в какой-то деревне на окраине Портсмута. Мы потом быстро перебрались в Бельгию, - уже более заинтересовано ответил мужчина. Женщина перед ним отчего-то неуютно заерзала на стуле и Мартис решил подняться, чтобы смотреть подростку прямо в глаза.

- И какой это был год?

- Ну, я думаю, ты и сам достаточно неглуп, чтобы посчитать. К тому же мне «посчастливилось» стать ровесником трагедии в Женеве, - снова послышались удивленные возгласы, как будто в этот год никто больше не рождался. К чему этот паренек клонил?

Мальчик, казалось, тоже был поражен, даже напуган. Его розовощекое веснушчатое лицо вмиг побледнело, юношеский блеск в глазах потух, и он словно постарел на несколько десятков лет.

- Мне...жаль, - заплетающимся языком произнес он, да так, что услышать могли только первые ряды.

Женщина впереди неожиданно затряслась, и Мартис с испугом подумал, что у нее начался приступ эпилепсии. Но его отвлек очаровательно чарующий голос Маргарет Авельсон:

- И вы абсолютно уверены в своем поле? – отстраненно произнесла она.

Мужчине показалось, что его тоже начинает трясти:

- Да за кого вы меня принимаете!? Конечно же я все это знаю и во всем уверен! Что за цирк вы разводите! Хватит отвлекать добропорядочных людей от более важных дел!

Он в порыве злости пнул кресло впереди и развернулся, чтобы уйти, но тут та самая подозрительная зрительница в первом ряду резко подскочила и изошлась пронзительным толи криком, то ли плачем и кинулась на сцену, грозясь кулаками несчастному подростку. Тот же вместо того, чтобы в испуге отскочить, замер, как столб, и не мигая, с грустью в глазах смотрел на свою нападавшую. Высокая и, похоже, достаточно мускулистая женщина успела пару раз ударить мальчика по голове своей увесистой сумкой так, что тот отлетел к боковой стенке и замер там. Затем неуравновешенную от него оттащила охрана. Дама вырывалась, скалилась и кричала на весь зал: «Не смей! Не смей извиняться! Твои слова ничего не стоят! Ты мерзкий, лживый убл...». А затем ей заткнули рот первой попавшейся тряпкой и увели со сцены.

Мартис стоял, не двигаясь, хотя, казалось бы, мог так же, как Донарс, подорваться и побежать спасти несчастного. Но его поразила эта сцена, и он хотел запомнить ее всю целиком: разъярённая обезумевшая женщина, мальчик со стеклянными глазами, блондинка, ставшая чуть поодаль и смотревшая на избиение не мигая, и ведущий, который прибежал на крики и ошарашенно замер. Его искаженное страхом лицо Мартис запомнил отчетливее всего, а затем, насладившись этим с полна, он поднял с пола выроненные Донарсом блокнот и ручку. Правая рука как будто сама по себе взметнулась вверх. Наступила тишина. Слегка выждав, как полагалось только истинному профессионалу, журналист произнес:

- Ну что ж, господин ведущий, и как же вы это объясните?

И в этот момент эфир прервался.

[Клинт Лайман]

Внутри него зародилось смятение. Он не знал, как это должно было отразиться на лице, но чувствовал, что познал нечто новое. Когда ту, что не жалея сил ударила его, увели охранники, наступила неловкая тишина. До этого момента Клинт не знал, что тишина может иметь эмоциональную окраску.

- Эй, ты как? В порядке? – какая-то женщина помогла ему подняться и провела за сцену, чтобы найти что-то холодное.

- Не переживайте, все хорошо, - мальчишка так искренне улыбнулся, что дама на порядок старше его вдруг смущенно отвела взгляд.

- В следующий раз, как увидишь, что тебя пытаются ударить, - уворачивайся, - обратился к Клинту показавшийся в проходе журналист, с которым ему

посчастливилось беседовать пару минут назад. – И чего только застыл, как столб?

- Вы тоже были не особо поворотливы, сэр. Прекрасно понимаю, как тяжело быстро реагировать в ваши годы.

Клинт действительно представлял себе ситуацию, но из уст мальчишки это звучало издевкой. Раньше ему бы и в голову не пришло, что у одной и той же фразы может быть разный смысл.

Мартис заинтересованно глянул на юношу.

- А ты, похоже, из прямолинейных. Мне нравятся такие. Хотя твоя речь на сцене меня порядком вывела из себя. Что за ахинею ты, черт возьми, нес? Неужели канал уже не в состоянии заплатить даже сценаристу? – мужчина разочарованно вздохнул. – Не стоит участвовать в подобных мероприятиях, чтобы они там тебе не обещали.

- Ничего.

Клинту нравилось это слово на вкус. Такое ностальгически обжигающее.

- Что, прости?

- Они ничего мне не обещали. Это я им обещал, - он немного помедлил, ожидая, когда «зритель» созреет. – Мы все поклялись рассказать правду, но передумали. Нет, трусили.

Лайман наблюдал, как брови журналиста поползли вверх, придавая лицу глуповатый вид. Раньше Клинту нравилось удивлять людей, шокировать, вводить в ступор своими хаотичным и непоследовательными действиями. Скольких же он обрел этим на гибель?

- Хочешь сказать, что правда веришь в то, что эти люди пытаются всем навязать? Кому в здравом уме придет в голову вспоминать звезду, умершую столетия назад? Что нам до всего этого? Даже семейные разборки моих соседей и то показались мне интереснее! – Мартис задумчиво усмехнулся. – Эти идиоты уже почти одиннадцать лет совместной жизни не могут определиться, кто на какой стороне кровати спит.

Слушая в уже в пол уха, Клинт краем глаза наблюдал за только что зашедшей Маргарет, которая тут же направилась вдаль помещения. Именно там, в углу на скамейке, оставили тучную женщину лет тридцати со странно впавшими щеками и огромными синяками под глазами. В черных волосах уже блестела седина, взгляд был затуманен, возможно, она пила. На свой возраст женщина едва ли выглядела, но юноша подсознательно уже знал про нее все. Было достаточно лишь одной фразы, чтобы понять, за что та так его ненавидит. Он сам себя ненавидел за это.

Охранник стоял от женщины чуть поодаль, видно мало желая встречаться с ней лоб в лоб. На его щеке виднелся красный след от ногтя. Клинт инстинктивно потрогал рукой свой ушиб.

- Может все же обратиться к врачу? – вновь подала голос женщина, что привела его сюда. Он уже успел о ней забыть. Дурная привычка. – Вдруг это сотрясение.

Но подросток лишь в очередной раз покачал головой. Собственная боль его отрезвляла. Маргарет тем временем о чем-то оживленно болтала с нападавшей. Неужели хочет предложить присоединиться? Это было меньшее, на что Клинт сейчас рассчитывал. Впрочем, у него была своя задача.

- Господин Мартис, - юноша прервал поток речи, который по-прежнему продолжал литься из рта журналиста. - то, что я говорил на сцене..., - он замялся. - В общем простите...

- Да не переживай, я и не такого наслушался. Главное, больше не лезь в подобное, и все будет хорошо, - Леон Мартис по-отцовски потрепал Клинту волосы, от чего у того по всему телу пробежали мурашки.

Юноше отчего-то стало чертовски неловко рушить его устоявшуюся систему мира. Наверняка, он неплохо живет, игнорируя все, выходящее за пределы нормы. Даже можно сказать - правильно. Чем сильнее забиваешь голову всякими «а если», тем глубже погружаешься в сомнения. Леон Мартис отрицал сомнения. Это было видно по его невозмутимому лицу. Скажи ему любой доказанный факт, о котором он не знает, и мужчина найдет тысячи способ доказать его нереальность. Привычки журналиста въелись в самую суть его личности. Рушить такую стабильную систему - сущее преступление.

- Простите, - снова повторил Клинт, - но я говорил серьезно. Боюсь, что все те вопросы, на которые вы так легко отвечали в зале, являются самыми сложными для нас.

- И почему же? - все также беззаботно поинтересовался Мартис, попутно провожая взглядом симпатичную девушку, помогшую пареньку.

- Потому что все мы жили пятьдесят лет назад, умерли и переродились вновь. Вы ведь слышали, как ведущий говорил о реинкарнации? Может, он сам в это и не верит, но мы пришли сюда не ради шоу, а ради помощи.

После этих слов подросток - нет, мужчина - почувствовал на себе тяжкий груз вины, который упал в бездонную яму его сожалений.

[Леон Мартис]

Сколько может длиться одна жизнь? Десять лет, тридцать, восемьдесят? Этого в любом случае всегда мало. А потом все начинается сначала? Или идет дальше?

Леон Мартис думал об этом не больше десяти секунд, прежде чем дать свой обычный скептический ответ, но сам факт того, что эта мысль закралась в его голову, уже был отклонением от нормы.

- И чего ты ждешь от меня, смотря такими щенячьими глазами? - его мутило от притворства практически на уровне хронической болезни.

- Осознания, что весь мир не станет подстраиваться под ваш представления.

- То есть ты действительно веришь в эту чепуху?

Мальчишка промолчал. Журналисту нравилось, что он не имел привычки отвечать на очевидные вопросы. Решив сменить тему, он произнес:

- Так почему же на такого безобидного паренька, как ты, набросилась та дамочка?

- Видимо, потому что знает, кем я был в прошлой жизни, - без раздумий бросил Клинт и снова отвел взгляд в сторону.

В этот раз Мартис за ним проследил. Две женщины о чем-то крайне заговорчески шептались. Да так, словно тысячи лет знакомы. Мужчина вспомнил, что Маргарет тоже не проявила никакого желания помочь несчастному на сцене. Значит, они в заговоре? Все женщины – ведьмы, не иначе.

- И кем же ты был? – уже слегка раздражаясь спросил журналист.

- Чертовки поганым человеком, - с ужасной горечью в голосе ответил юноша.

Не успел мужчина что-то сказать, как парень засеменил в сторону своих знакомых, словно бы потеряв интерес к собеседнику. Если бы Мартис хоть что-то смыслил в манипуляции людьми, тут же бы догадался, в чем тут дело и наверняка не совершил бы самую большую ошибку в своей жизни. А может, наивысшее благо? Почем чуть более, чем заурядному журналисту знать? Он всего лишь пошел вслед за мальчиком, который возомнил себя взрослым. Возможно, затем, чтобы помочь ему, а, возможно просто потому, что всегда хотел сына.

Маргарет тут же окинула его оценивающим взглядом, коим, похоже, забыла удостоить накануне. И было в этом что-то настолько неловкое, что мужчина перевел взгляд на сумасшедшую, сидевшую рядом. Она его как будто и не заметила. Все ее внимание было устремлено на мальчишку. Вена у нее на лбу сильно вздулась, а глаза покраснели. Мартис инстинктивно загородил Клинта рукой.

- Амелия, мы уже обсудили ситуацию. По-другому никак, - миниатюрная блондинка положила руку на плечо женщины, но та ее тут же стряхнула.

Краем глаза журналист заметил, как охранник рядом слегка отодвинулся в сторону. Вот именно так и должен вести себя здоровый человек в подобной напряженной ситуации. Если он, конечно, не охранник.

- Это не значит, что я готова с этим смириться. Одна только мысль о том, что он дышит со мной одним воздухом, побуждает достать пистолет и выстрелить. То ли в него, то ли в себя, - Амелия сделала попытку подняться со скамейки, но Маргарет удалось ее удержать.

Мужчины стоял с мыслью о том, что имя Амелия чертовки не подходит этому огромному кому ненависти.

- Я не собираюсь без устали напоминать, ради чего это. И не хочу терять, возможно, единственный шанс на спасения из-за ваших, кхм, разногласий, - она чеканила слова так, словно не меньше двадцати лет прослужила в армии.
- Леон, так вы готовы нам помочь?

Мартис на секунду опешил, услышав из ее уст свое имя. Мало кто обращался к нему так. Большинству было комфортнее называть фамилию, ни таящую в себе никакого личного отношения. Нина, возможно, была единственным человеком, помимо постоянно докучавших соседей, кто называл его так.

- В чем? – выдержав неприлично долгую паузу, спросил он, чуть ли не стесняясь своего незнания.

Однако осуждающий взгляд заслужил Клинт. Он в мгновение ока сжался, словно провинившийся щенок и тут же перестал казаться взрослым. Похоже, любая провинность заставляла его чувствовать себя ничтожным по какой бы то ни было причине.

- В нашем плане по потере памяти, - как можно мягче постаралась произнести девушка. Но у нее это не особо вышло. - Леон, вы ведь не верите нам, верно? Я прекрасно понимаю, что в такое поверить сложно, практически невозможно. Особенно человеку вашего склада ума.

- И что это значит!? - журналисту казалось, что над ним попросту потешается кучка самодовольных актеров настоящего театра абсурда.

- Это ни в коем случае не в плохом смысле. Просто мы с вами во многом похожи, и мне не трудно понять ваш ход мыслей, - Маргарет ностальгически запрокинула голову. - Моя жена всегда говорила, что я попаду в ад, где буду вынужден испытать все ее мучения на своей шкуре. Что ж...

Мартис ошарашено уставился на нее. Не то чтобы ему было незнакомо понятие гомосексуализма. Он даже написал несколько статей по этой теме лет в двадцать, когда это еще было модно. Мужчина уже даже был готов отпустить какую-нибудь шутку, связанную со своим удивлением, но девушка, к счастью, его опередила:

- Не спешите с выводами, Леон. Поверьте, моя жена меня бы даже не узнала, заявись я к ней в таком виде. Прежде я носила лишь джинсы да шорты, мылась раз в неделю, а волосы всегда была сострижены под ноль, - ее голос в этот момент стал крайне хриплым. - Я была мужчиной. Да что там мужчиной, неотесанным мужланом под два метра ростом и каждодневным перегаром, - она закусила губу.

С этот раз журналист отшатнулся, чуть не налетев за стоявшего сзади Клинта, который тут же забормотал извинения словно мантру.

«Сумасшедший дом» - пронеслось у него в голове, разум затуманился, и сразу стало понятно, что Мартис вот-вот упадет в обморок. Благо, помощь не заставила себя долго ждать и уже через секунду неестественно грубые и сильные женские руки очаровательно блондинки вместе щуплыми и сухими ручонками подростка выволокли мужчину на свежий воздух, усаживая на ближайшую скамейку. Амелия осталась сидеть внутри, проводив эту процессию безразличным взглядом.

Прежде здоровье журналиста не давало сбой. Конечно, у него, как у многих, иногда ломало в коленях или вдруг начинала болеть голова. Но это тоже было неотъемлемой, практически необходимой частью его профессии. А вот головокружение и обмороки никуда не годились.

- Наверное, я была слишком резка, - Маргарет уселась рядом.

Но было слишком поздно для извинений. Теперь на ее фоне он чувствовал себя старым дедом, который хлопается в обморок из-за любого потрясения.

- Сначала нужно думать, а потом говорить! Вот же ж в самом деле нашли дурака! - Мартис резко подскочил со скамейки и, игнорируя легкое чувство тошноты, зашагал прочь.

Никто за ним не пошел. Похоже, им тоже надоело играть. Было непонятно, почему они к нему так прицепились. Возможно, хотели обобрать. Сейчас было важно только добраться к машине. Потом можно позвонить Нине и попросить приехать домой. Они вместе утонут в безликой рутине и всплывут, желательно, не раньше следующей недели. А там можно и снова совершить какой-нибудь абсурдный поступок, типа сегодняшнего, чтобы как-то развеять скуку.

Уже подходя к машине, Мартис заметил, что на нее облокотился высокий темноволосый мужчина в кожаном пальто и неприлично больших черных очках, практически спадающих с него.

- Вам все-таки стоит передумать, пока не поздно, - не особо церемонясь, сказал он.

- Раз собрались мне угрожать, объясните хотя бы по какому поводу, - журналист, игнорируя подозрительного незнакомца, достал ключи и, разблокировав машину, подошел к водительскому месту.

Ему не раз доводилось встречаться с подобными «смельчаками». Уж сколько на памяти было случаев, когда какой-нибудь мутный тип решал поиграть в тайного агента, чтобы заставить переписать статью под свои запросы. Если бы Мартис послушался хоть одного, его репутация была бы безвозвратно растоптана и сожжена.

- Боюсь, мои коллеги не особо профессионально подошли к раскрытию вопроса. Давайте, я постараюсь объяснить.

- Не утруждайтесь, - с напором произнес Мартис и сел в машину. Его голова гудела.

Однако на этом разговор не закончился, так как мужчина бессовестно уселся на пассажирское сидение.

- Что вы творите!? Немедленно выйдете из моей машины!

- Вам не стоит меня бояться, я просто хочу рассказать вам правду. Ну, или на худой конец отличный материал для статьи, - сказал мужчина, не сдвинувшись с места.

Мартис внимательно оглядел его и пришел к довольно очевидному выводу:

- Вы один из их шайки, верно?

- Шайки? А вы, смотрю, не стесняетесь в выражениях. Впрочем, я это уже отметил, наблюдая за вами в театре.

«Отлично, он еще и наблюдал за мной» - журналист поежился и уже подумал бросить машину и бежать как можно дальше.

- Моя «шайка», признаться честно, просто не умеет общаться с людьми. Внутри них столько противоречивостей, что на социальную адаптацию попросту нахватает сил. Не судите их строго, просто им всем крайне нужна ваша помощь. Ну, и мне, конечно.

Мужчина как бы невзначай снял свои глупые очки, и взору Мартиса предстала достаточно интересная картина: глубоко посаженные карие глаза, которые в совокупности со слегка сплюснутым носом, тонкими губами и темными волосами давали абсолютно типичную внешность данного региона. Иначе

говоря, в нем не было ничего особенного. Журналиста это позабавило. Очки. Именно такой прием используют многие люди с «прохожей» внешностью, чтобы добавить себе хоть немного загадочности.

- Моя помощь? – произнес Мартис, сдерживая ехидство в голосе. – Вы, стало быть, тоже переродились? И какая в этом проблема? Ну живите себе дальше и помалкивайте. Не обязательно пушить хвост на телевидении, чтобы ловить завистливые взоры простых смертных.

- О, поверьте, вы и не представляете, какую крест приходится нести каждому из нас.

- Ну так несите его молча. Меня лично дома ждет жена, а вас уже, наверно, заждались друзья, – мужчина попытался вытолкнуть незнакомца из машины, однако тот не сдвинулся ни на миллиметр. – Мне позвать охрану? – в тайне он надеялся обойтись без этого, вспоминая мягкотелого охранника сумасшедшей Амелии.

- Вашу жену зовут Нина, так ведь? – брюнет посмотрел журналисту прямо в глаза, не скрывая странного ликования.

И в этот момент мясистый кулак Мартиса прилетел ему в челюсть.

[Маргарет Авельсон]

Она ходила взад-вперед, не находя себе места. Ее колотило, словно от озноба, потому что все шло не по плану.

- Ты не могла бы наконец взять себя в руки? – грубо отозвалась Амелия, выходя на свежий воздух.

- Это как? – нервно пробормотала Маргарет.

У нее чесались руки. Если сейчас это не обуздать, то кто-то может пострадать. Также, как когда страдала Джоанна. Изо дня в день. Постоянно.

- Просто дыши. Подумай о чем-то позитивном, – подключился к решению проблемы Клинт.

Он бесил Маргарет больше остальных. Скорее всего потому, что они были безумно похожи. Оба отрицательные персонажи, пусть и разного масштаба.

- Как? Как тебе удастся так ловко жить в этом теле? Так...- она буквально давилась собственными словами, постоянно набирая ртом воздух, – ..спокойно рассуждать. Ты и в самом деле тот, кого показывают по телевизору и кому выделяют целые параграфы учебников?

Клинт лишь пожал плечами, видно не желая говорить об этом. Особенно в присутствии женщины-цербера, готовой в любой момент даже без команды отправить его в пучины ада.

- Я ведь ненавижу в себе это. Я...пытаюсь быть добрее к людям. Но как только что-то идет не по-моему...

- ...ты словно взрываешь изнутри? – продолжил подросток.

Она так и думала. Он понимает ее.

- Тебе тоже знакомо это чувство? – с животным ликованием произнесла девушка.

- Нет, его я еще не испытал.

Юноша достал из кармана джинс тонкую записную книжку и огрызок карандаша и что-то быстро законспектировал, предпочитая оставить это без комментария.

- Этот план, он точно сработает?

Вдох. Выдох. Не здесь. Не сейчас. *Он* обещал себе, что в этой жизни все будет по-другому.

- Нет ровно никаких гарантий. Но это наш единственный шанс, - Клинт успокаивающе похлопал девушку по плечу, что со стороны выглядело немного странно.

- Иначе говоря, замести следы, избавиться от улики, верно? – едко отметила Амелия. – Ведь так проще. Зачем что-то переосмысливать, пытаться исправиться, если можно просто стереть себе память.

- Ты как-то не выглядишь особо счастливой. Сколько тебе? Пятьдесят?

Он всегда начинал язвить, когда бесился. А еще путаться в собственных мыслях. *Она* старалась думать, как правильно, но эта извечная борьба в голове медленно сводила с ума.

- Где-то около тридцати. Я угадал? – Клинт постарался добродушно улыбнуться, что, судя по лицу женщины, чуть не опустошило ее желудок.

Когда же вернется *Он* вместе с Мартисом? Если она еще хоть секунду пробудет в одной компании с этими чокнутыми, то бесповоротно слетит с катушек. Не надо было прилетать сюда. Не стоило и пытаться это изменить. *Он*. *Она* должна прожить жизнь в женском теле, и каждый день вспоминать обо всех своих грехах. Так будет правильнее всего.

Прекрасная ранее погода начала ухудшаться: ветер неприятно задувал в уши, попутно заносит пыль в глаза, небо затянуло тучами в ожидании дождя. Природа словно имела свое мнение на сложившуюся ситуацию.

- Mist!¹ – по привычке выругался тот, кем некогда была Маргарет Авельсон, когда ливень обрушился на их головы.

[Леон Мартис]

Он молча стоял на тротуаре, пока мужчина безуспешно пытался закрыть машину.

- Ты...это. Там кнопка заедает, - с неким ехидством подсказал Мартис. – Я б помог, да вот руки связаны.

Преступник никак не отреагировал на это, что взбесило журналиста больше, чем должно было. Сегодняшний день казался ему абсурдным, и не стремился становиться хоть капельку лучше. После того, как кулак Мартиса отпечатался на лице этого острорычкого прохвоста, паршивец со всей дури ударил в ответ. Как минимум сотрясение мужчина себе заработал. А попутно пару синяков и отеки руки, сильнее необходимого завязанные веревкой. Кем бы

1 «Черт!» (нем.)

ни был этот чокнутый, боевая выучка у него была что надо. В данных условиях журналист и секунды не думал о побеге.

- Какого черта тебе нужно от моей жены? – злобно шикнул Мартис, пытаясь взглядом найти хоть одного прохожего в районе.

Однако везение никогда не было его специальностью. Всего всегда нужно было добиваться собственными силами. Так его учила мать. Особенно сильно это впечаталось в его душу после того, как никакие всевышние силы не уберегли шестилетнего ребенка от роли сироты.

- Ваша жена – прекрасная женщина. Уверен, вы очень дорожите ей, - машина наконец мигнула огоньками, и мужчина махнул Мартиса, чтобы тот следовал за ним. – Не смотрите на меня так. Я пытался быть вежливым.

- Вы все психи, так что какое мне дело до ваших манер. Вежливый псих менее опасным мне не кажется.

Сколько нелепых угроз журналисту довелось слышать ранее. Догадаться, что он женат не трудно, а вот дальше, как правило, у этих «смелых» ребят начинался ступор.

- Я ведь пытаюсь вам помочь. Поймите правильно, вы не обязательный пункт нашего плана, но просто хотелось бы обойтись без лишних жертв. Разве это плохо? - он подтолкнул Мартиса вперед, чтобы загородить прохожим зевакам вид связанных рук.

- Как минимум плохо то, что вы уже включили жертвы в свой план. А убитые вами тоже переродятся? Или вы в свою секту никого не впускаете?

- Вас впустим, - исчерпывающе ответил мужчина и замолчал.

Дождь уже лил как сумасшедший, когда Мартиса запихали в тесный, пропитанный запахом пота и прокисшего молока грузовик, едва ли рассчитанный на то количество людей, которое в нем уместилось. Все его новые знакомые были в сборе. Клинт попытался извиниться, но свирепый взгляд Амелии пресёк это на корню. Странно было, что мужчина даже почувствовал с мальчишкой некое родство. Таким же зашуганным был и он сам добрых тридцать лет назад. Это сейчас можно было кичиться своими непомерными амбициями, как скидками в брендовых магазинах, развлекать себя, а не людей, ходя на сомнительные мероприятия, и жить так, будто каждый тебе должен. Но чем такой человек, как Леон Мартис мог похвастаться раньше? Неплохими условиями сиротского приюта, построенного на пепелище старого дома? Найденным жильем на окраине города в оплату за бесконечное мытье сортиров? Или первой опубликованной статьей, которая позволила ему не умереть от голода? Сейчас было смешно об этом вспоминать, но, смотря на этого юного и уже за что-то побитого жизнью мальчика, его бросало в жар воспоминаний. И теперь у них обоих на лице красовался красный след от удара.

- Эй, Клинт, дружище, не развяжешь меня? – учтиво попросил мужчина, почувствовал, что грузовик тронулся с места. Если бы только написать Нине.

Мальчишка уже было потянулся это сделать, но Маргарет резко его одернула:

- Мы не знаем, что он может выкинуть. И так ушло слишком много сил на никому не нужное переубеждение скептика.

- Ну уж извините, что вы больше сходите на чокнутых похитителей, чем на перерожденных! – буквально взвыл Мартин, уже просто не находя слов для описания ситуации. Ему хотелось молить их об освобождении, однако гордость еще теплилась где-то в районе груди, так и выпирая всем на показ.

- Атмосфера не располагает к мирному диалогу.

- А чего вы от нас хотите? Мирно мы уже попытались. То, что происходит сейчас, крайние меры, которые мне тоже не особо нравится, – это была первая, сказанная Амелией рациональная фраза. – Я здесь только по одной причине.

Внутри фургона было темно, но каждый знал, куда устремился взгляд женщины.

- За что вы так ненавидите беднягу? – попытался сгладить углы журналист, практически смиряясь со своим положением.

- Беднягу? – хохотнула она. – А вы, значит, ведетесь на смазливенькое личико и потупленные глаза? Я вот вижу его насквозь. Не поверите, но мне было достаточно только взглянуть на него. Да что там. Уже идя на это шоу, я знала, что встречу его. Чувствовала, что он жив. Ребенок или нет – это неважно. Нас делают «нами» те воспоминания, которые мы накапливаем. И от этого никуда не деться. Думаю, каждый здесь пытался забыть «прошлое». Но вот вы все сидите в этом грузовике в надежде, что кто-то сделает всю работу за вас, – она неожиданно положила руку на плечо Мартис, видно показывая обращение к нему. От неожиданности сердце мужчины на секунду пропустило удар. – Они хотят стереть те воспоминания, которые накопили в прошлой жизни. Избавиться от «прошлого» себя. Отделить свою душу от тела.

Спокойный голос Амелии оказался настолько мягким, что все замерли. Стал отчетливо слышен звук проносящихся по трассе машин. Мартису вдруг подумалось, что его машину наверняка эвакуируют, если он не вернется до вечера. Если он не вернется...

- Я..., – он не нашелся, что сказать.

Его сознание просто пыталась уцепиться хоть за кого-то, чтобы не сойти с ума. Мартис уже давно балансировал на грани, сам того не признавая. Его жизнь была тихой и размеренной, но иногда в него закрадывалось множество сомнений, которые хохоча показывали картинки прошлого, шептали на ухо истории о мальчике-сироте, который остался один. И так будет вечно.

- Ты не обязан нам доверять, – Амелия снова усмехнулась, и это начинало казаться жутким. – Но как насчет личного интереса? А, мистер-журналист-Мартис? Слышали что-нибудь об экспериментальной лаборатории за городом? Я вот нет. Но остальные, похоже, знаю больше нашего. Они накопили немало информации и, видно, обладают еще большей, если готовы пойти на такое безумие, как проникнуть в секретное и безумно охраняемое здание.

- Мы достаточно подготовлены, – немногословно ответил мужчина, ведущий машину.

- Оливер – глава нашей операции. Он был тем, кто собрал нас, – пояснила Маргарет.

Мартис с трудом понимал, как к ней теперь относится. Среди всех она вызывала в нем больше всего смешанных чувств. Если все окажется правдой, то ему тоже придется стереть память, чтобы забыть о мужчине внутри этой привлекательной девушки.

Больше никто не говорил, и какое-то время они ехали молча.

[Амелия Риксли]

- Значит, ты, Маргарет, в прошлой жизни была мужчиной? – вдруг спросила Амелия, желая лучше узнать свое окружение.

Девушка сначала как-то странно на нее посмотрела, но потом смягчилась в лице и смиренно кивнула.

- И сколько тебе было?

- Почти сорок два.

Внутри женщины все сжалось. Она всегда болезненно реагировала на цифры возраста, хоть и сама давно переросла свой прошлый. Это стало дурной привычкой – считать года. И как бы ей не хотелось радоваться каждому прожитому часу, Амелия медленно растворялась в собственной памяти. Вторая жизнь из чуда превратилась в проклятье, потому что она мысленно считала свои вдохи и как замороженная прибавляла их к тем, что не смогла сделать в прошлом. Если бы только не память... Возможно бы она была счастливее, но ценность жизни не познала бы ни на йоту.

- А тебе? – раздался в душном вагоне мальчишеский голос.

Ярость кипела в венах, не давала дышать, не давала жить. Ведь дар, данный ей, почему-то был подарен и ему, самому худшему из людей.

- Тринадцать! – вскрикнула Амелия так громко, чтобы это ударило ему по голове. – И не смей говорить со мной, словно имеешь на это право! Ты меня не знал. Я ничего тебе не сделала, а ты отнял мою жизнь, ни разу не задумавшись, – она перешла на тон выше, почти вопя. Как бы ей хотелось докричаться до него. Перевернуть его и весь мир вверх ногами. – Мою мать звали Мирела, ты знал? Она работала на одной из тех жутких фабрик, что тогда строили во всей Европе впопыхах. Ей от природы было чуждо чувство страха, и она всегда приносила домой несколько подтаявших шоколадок. Мама никогда не носила колец, даже обручального, ты знал!? – из глаз покатались слезы. – Она считала, что любовь не измеряется в вещах, и на деньги со свадьбы купила отцу новые туфли. А ты стер ее, словно грязь с белого платья! Я...

Женщина замолчала, почувствовав, как на ее руку опустилась другая, мужская. Было темно, но она чувствовала на себе успокаивающий взгляд Леона. Он ничего не говорил, видно боясь выдать свое неверие, однако этого было достаточно.

К плечу журналиста, словно крыса, жался Клинт, как он теперь себя называл. Глаза подростка блестели невинностью, и Амелия чувствовала, что ее сейчас стошнит. Она была так близко к своему собственному убийце, спрятавшемуся за личиной ребенка. И они поменялись ролями. Колесо жизни повернулось, и теперь припечатанным к земле должен оказаться Он.

- Выходим, приготовьтесь, – раздался голос с переднего сидения.

Риксли выдохнула. Ее месть свершится. Осталось лишь еще немного подождать.

[Леон Мартис]

Машина остановилась резко и практически выплнула из себя пассажиров на расположившуюся посреди леса поляну. Мартис выбрался, громко кряхтя, но никто и не подумал ослабить его веревки. В нос ударил запах липы, а глаза залило ярким светом. Деревья сомкнулись вокруг поляны плотным кольцом. Стояла неведомая городу тишина, только ветер гладил верхушки.

- Весна в этом году выдалась отличная, - как не в тему выдал Мартис, привыкший по долгу службы отмечать такие детали.

Похоже, это поэтическое замечание очень впечатлило путешественников из прошлого, потому что его руки наконец оказались свободны. На вопросительный взгляд Оливер ответил:

- Не вижу больше в этом смысла. Мы сейчас за городом. К тому же, для дальнейших действий нам нужна ваша помощь, как человека свободного.

- Мне развести тут костер или что? Палатки поставим, пожарим сосиски, и вы порасказываете свои страшилки о прошлых жизнях. Если это так, то я даже, черт возьми, готов согласиться, - ему в голову пришло лицо Нины, которая будет ждать его в парке, словно верная собачка. Но она ни за что не подумает, что его похитили. И никогда не пойдет в полицию.

- Уверен, это прекрасная мысль, но этим мы, надеюсь, займемся сразу после, - мужчина, поправив свои темные очки, поманил всех за собой.

Мартиса никто не позвал и не потащил с собой, оставив, словно дьяволы-искусители, рядом с незапертой машиной. И Мартис лишь на секунду заколебался. А потом человек внутри него упал без сознания, давая заново родиться дотошному журналисту, чужающемуся здравого смысла.

Компания, бросив машину посреди поляны, нырнула в лес. Листва хрустела под ногами. Венгерские леса обычно достаточно густые там, где не были вырублены завоевателями из Азии. Этот не был исключением – за десять шагов перед собой трудно было разглядеть хоть что-то через листву. Все старались поспевать за Оливером, но тот шел так воодушевленно быстро, что со временем перестал быть виден. Остальные шли на ощупь. Амелия твердым и уверенным шагом, Маргарет едва тревожа листву под ногами, Клинт бесшумно.

Мартис тоже шел. Мысли о побеге заглушал шорох листьев у самых ушей. Голова з аполнилась запахом липы.

- Я раньше жила в такой же чаще, - заглушила тишину Маргарет.

- Правда? – отозвался Мартис.

- Мы с женой решили купить домик подальше от людских глаз. Точнее я решил, а у нее не было выбора. Шла война, в которой мне совершенно не хотелось участвовать.

- Ты помнишь войну? – подключилась Амелия.

- Не сильно. Когда она тихо началась во Франции и перекинулась на Италию, я решил, что пора бы залечь на дно. Когда загорелась Женева, мы были уже в

Эстонию. Ну а там забрались в такую глубинку, что ни одному солдату не найти.

- Вот как? Прятались от сражений?

- Скорее от тех, кто меня к ним принуждал, - усмехнулась девушка таким нежным и искренним смехом, что журналист тут же остановился у ближайшего дерева вдохнуть побольше воздуха.

- И что же сейчас? - продолжала Амелия.

- А сейчас я готов на любую битву лишь бы не встречаться со своей женой. Расцениваю это не иначе как шутку судьбы, - прошептала Маргарет и отодвинув очередную ветку.

Лес потихоньку начал редеть, кое-где стали встречаться абсолютно голые деревья. Мартис шел как замороженный, слушая речи спутников и с трудом переступая с ноги на ногу. Новая обувь натерла ему немалые мозоли, и каждое соприкосновение кожи с кожей заставляло заново и заново ненавидеть производителей обуви.

- Ну вот мы и тут, - выдохнул мужчина, повторяя слова, которые одними губами прошептала блондинка.

Мартис почти врезавшись в ее хрупкое тельце, когда она резко остановилась. Он выглянул у нее из-за плеча и наконец понял, где оказался. От леса не осталось и следа. Давным-давно выжженная земля, казалось, все еще горела огнем. Трава росла сухая и безжизненная. Глубокие кратеры от бомб изрыли тут все. Место, о котором все знали, но никто не совался. Поговаривали, что сюда убийцы привозят своих уже мертвых жертв, чтобы закопать.

В одном из самых больших кратеров журналист своей врожденной близорукостью разглядел очертания лаборатории, которой едва ли предполагалось тут быть. Низкое, скорее всего двухэтажное закольцованное здание практически без окон буквальноросло из земли. Множество труб, словно корни впивалось в землю и присоединялось к «телу». На крыше оставшиеся трубы выдыхали дым. Вокруг конструкции как цветы росли антенны и солнечные батареи. Лаборатория была окрашена кирпичного цвета краской, потрескавшейся от палящего солнца и оттого выглядевшей зловеще. Как-то так Мартис в детстве представлял себе корпорацию зла, которая отняла у него семью. Ее ли он искал всю жизнь?

- ...ина Мартис, - услышал мужчина обрывок фразы, вернувшись из своих размышлений.

- Что? Что ты сказал?

- В этой лаборатории работает Нина Мартис, - терпеливо повторил Оливер, глядя Леону прямо в глаза и наблюдая как они медленно расширяются. - Это то, что я пытался тебе сказать, когда ты меня ударил. Не самое твое разумное решение.

- И я готов быть неразумным еще раз, если ты посмеешь впутать в это мою жену.

- Но я говорю правду.

- Да чертос два! Моя жена - домохозяйка. В ее голове едва ли уложится что-то сложнее, чем сумма на банковской карте, - Мартис чувствовал, как его руки снова сжались в кулаки.

- Он...говорит правду.

[Клинт Лайман]

Клинт повернулся, чтобы понять, кто это сказал, но слова вырвались из его собственного рта. До этого мальчик не издавал не звука, уткнувшись носом в свой блокнот и строя в нем все новые и новые предложения. Раньше, бывая в лесу, Клинту никогда не доводилось ощущать течение его жизни. Но как странно! Этот лес был живым! Ветер был дыханием, птицы – глазами, олени – ногами, а ветви деревьев – руками, цепляющими новых знакомых. Изучал ли кто-то доселе этот невероятный феномен? И если да, то почему никто не рассказал об этом мальчику в прошлой жизни?

В то время Клинт глотал одну книгу, ища в этих мирах ответы на свою жизнь. Эта жажда знания перекидывалась словно пожар с одной книги на другую, пока не подошла «штору», погрузив в огонь весь мир.

Если бы он только узнал, что лес живой, чуть раньше. Если бы услышал, как бьется лесное сердце, то, возможно, понял бы, что оно бьется в унисон с его собственным.

- Мы все изучили. Я лично прочитал каждое досье, - мальчик перелистнул пару страниц в своем блокноте и зачитал вслух: - «В лаборатории на данный момент работает сто двенадцать сотрудников, из которых тридцать два заняты в генной инженерии, тридцать восемь человек отвечает за работу с химическими реактивами, двадцать восемь...», кхм, «В отделе, отвечающем за экспериментальные работы с нестабильными космическими частицами насчитывается одиннадцать сотрудников. Нина Мартис, женщина тридцати четырех лет, замужем, детей нет, работает в данной области около восьми лет...», - он мог еще долго читать свои бесконечные записи, однако Маргарет прервала его хлопком по плечу.

Журналист и так был бел как простыня. Его губы дрожали, а руки тряслись. Казалось, сейчас у него случится припадок.

- Не каждый так реагирует на то, что его жена просто работает, - от чего-то со смехом произнесла Амелия.

- Он-на не может! Нина никогда..!

- Она работает там уже 8 лет, Леон.

- Но она не...

- Восемь.

Клинт никогда не был женат и вообще слабо понимал, для чего люди женятся. Но сейчас он чувствовал тоску Мартиса, как свою собственную. Может, это и не была та любовь, которую мальчик мечтал испытать, но это был глубокое доверие, разрушенное одними лишь словами.

Юноша снова начал выводить аккуратные буквы в своем блокноте, чтобы навсегда запомнить то, что сейчас почувствовал.

[Леон Мартис]

Они поженились в пятидесятом году. Ей тогда было двадцать три. Ему на десять лет больше. Повстречавшись едва ли два месяца, она предложила жить вместе. Расписались тем же летом. В последствии Мартису сложнее становилось вспомнить, отчего же он женился на этой девушке, которую никогда не любил. Все просто. Нина никогда не просила любви. Но сама любила безропотно. Он это видел.

- Зачем вы мне это рассказали? – его голос хрипел.

- Для того, чтобы сейчас вы вошли в это здание и устроили своей жене семейные разборки, - как-то слишком весело отозвался Оливер.

- Вам кто-нибудь говорил, что это имя вам не подходит?

- Да-да, много раз, хоть я и не понял, почему. Совершенно обычное имя с немецкими и английскими корнями. Очень приятное на слух, - очки закрывали глаза, но по морщинам вокруг них было понятно, что мужчина подозрительно щурился.

- Я не стану этого делать, - спокойно сказал Мартис, засунув руки в карманы и нашарив в одном из них папиросу. – Не найдется? – он изобразил зажигалку.

Никто не ответил, и Мартис разочарованно запихнул свою смерть в дальний ящик.

- Я не стану устраивать там скандал, как настоящая истеричка, - продолжил он. – Зачем?

- Она ведь обманывала вас, - произнес Клинт, сочувственно смотря журналисту в глаза.

- Да, и это, конечно, уязвляет мою самолюбие. Но куда важнее то, что кроется в вашем предложении. Похищение? Грабеж? Может, теракт?

- Вы ведь это не в серьез? – Маргарет попыталась сделать устрашающее лицо, но вряд ли это было возможно с ее-то внешностью.

- Я журналист. Несерьезность – часть моей рутины, от которой я порядком подустал. Избавьте меня от своей напущенной таинственности и расскажите, что вам там понадобилось.

Оливер раскрыл рот. То ли, чтобы открыть правду, то ли ради очередной колкой фразы. Однако он тут же замер, так ничего и не произнеся. Просто застыл на месте, тупо уставившись в одну точку за спиной Мартиса. Затем мужчина медленно стал поднимать руки. Журналист видел, как побелела и без того похожая на живого призрака Амелия. Ее нижняя губа задрожала, и женщина тоже подняла трясущиеся руки.

Повернувшись, Мартис встретился лицом к лицу с дулом пистолета девятимиллиметрового калибра. Советский. Сорок восьмого года. Имея такое заурядное и слегка параноидальное хобби, как коллекционирование оружия, Мартис достаточно много был наслышан о пистолете Макарова, хоть и в узких кругах.

Мужчина сглотнул, и его руки сами потянулись вверх. Владелец оружия, смуглый мужчина лет тридцати, сверлил журналиста отнюдь неприветливым взглядом. Маргарет и даже Клинт тоже стояли под прицелом «Макаровых», находившихся в руках других ребят в форме.

Как только Оливер попытался дернуться, один из армейских без предупреждения подошел и зарядил ему обухом по голове. Не обошлось без травм, но этой секунды отвлечения хватило.

«Либо я медленно схожу с ума, либо это начинает меня забавлять» - с этой мыслью мужчина отскочил в сторону по сигнальному кивну Маргарет, в то время как она перехватила пушку у молодого паренька и приставила к его голове.

- В итоге ситуация проще не стала, - заключил Мартис, издав нервный смешок.

[Маргарет Авельсон]

У нее ломило кости. Маргарет не была физически развита. Сколько бы сил она не прикладывала усилий к тренировкам, организм отвергал любые попытки. Потеря сознания, переломы, дрожь – ничто из этого не обошло ее, принуждая быть слабой. И сейчас, держа руку с пистолетом прямо у виска молодого военного, девушка чувствовала тяжесть.

Пауза затянулась. Оливер по-прежнему лежал без сознания. Клинт и Амелия все еще были под прицелом. А вот журналист, к удивлению Маргарет, вытащил из-за пояса пушку сразу, как перестал быть мишенью. Его руки не дрожали. Взгляд не блуждал. Знал ли Оливер, что у того все это время было оружие? Если так, она его прибьет.

- Опустите оружие и покиньте эту территорию! – сквозь зубы процедил один из нападавших.

Маргарет захотелось плюнуть ему в лицо. Она демонстративно приставила пушку вплотную к голове парня и взвела курок.

- Сначала - вы, - в присущей ей в прошлом жестокостью, произнесла девушка.

Однажды, когда-то очень давно, с ней произошла похожая ситуация. Голос тогда был грубее, тело тяжелее, а пистолет легче, но он также был приставлен к чьей-то голове. Дрожь пробивала тело, пахло кровью, которая сочилась из раненого солдата. Он забрел к ним в деревню едва живой и просил помощи. Жена вынесла бинты, чтобы перевязать раны, а муж ее одернул. Просто, потому что до ужаса боялся. Он достал старый пистолет, валявшийся в гараже, и приставил к голове умирающего потому, что боялся ответной реакции. Жена заступилась за солдата, муж ее оттолкнул. А потом раздался выстрел.

- Вы незаконно проникли на частную территорию.

- Где это написано, что она частная? –выступил Мартис, целясь говорившему в ногу.

- Да таблички расставлены по всей дороге, не говоря уже о том, что участок огорожен.

- Похоже, мы пропустили это, сидя в крошечной темноте фургона, - усмехнулась Амелия, все еще не опуская рук.

- Если вы клянетесь покинуть ее сейчас же, мы вас отпустим.

- Боюсь, вы вырубите нашего водителя, - продолжал Мартис. – Но мы не против подождать, пока он проснется, у вас в лаборатории.

Маргарет поражало его спокойствие. Да, журналист был в смятении, почти на грани безумия, но паника? Ни за что! Столько в нем было гордости и не напускного самомнения. Без толики жалости целиться в военного, защищая тех, кто его похитил. Похоже, и у него наконец появились причины проникнуть в лабораторию. Все шло по плану.

Солдат скривился, видно раздумывая, не прикончить ли все же их. Он попытался сделать выпад вперед и выхватить пушку у Мартиса, но тот быстро отскочил назад. Такой реакции можно было лишь позавидовать. При почти шарообразности своей фигуры мужчина чувствовал себя достаточно уверенно в роли оперативника.

- Моя жена работает у вас. Я всего лишь хочу с ней повидаться. Ее зовут Нина Мартис.

- Доктор Мартис? – с сомнением произнес мужчина.

Было видно, как лицо журналиста побелело от этих слов.

- Да, и он может ей позвонить! – переняла инициативу Маргарет. – Дайте ему телефон, – никто не шелохнулся. – Мне повторить!? – рявкнула она.

Больше ей не страшно. Джоанна далеко и никогда не узнает, что *он* жив.

Солдат вытащил из кармана телефон и отдал Мартису. Тот по памяти набрал номер и поставил на громкую связь.

- Алло? – раздался ледяной женский голос.

- Нина, это я.

Женщина по ту стороны вдруг как-то неестественно вскрикнула и продолжила говорить уже совершенно по-другому:

- Леон! Дорогой! Что случилось? Чей это номер? – она зашебетала словно певчая птичка. – Наша встреча ведь в силе? Может, мне приехать раньше?

- Нина! – остановил ее мужчина. – Нина, послушай. Я ведь твой муж, верно?

Женщина замолчала. Какое-то время она, похоже, собиралась с мыслями.

- Конечно, любимый. А почему ты спрашиваешь? – ее голос слегка дрожал.

Мартис раздраженно сбросил вызов и с торжеством вернул телефон. Все пистолеты военные по сигналу опустили. Выждал несколько секунд их примеру последовали Маргарет и Мартис. Сложно было сказать, что же мужчин на самом деле убедило. Они вместе подняли тело Оливера и молча начали спускаться с холма на сухую обугленную землю по направлению к зданию.

- Они ее знаю, – отчуждённо произнес Мартис, поравняюсь с молча шагающей Маргарет.

- Вашу жену? Разве это объясняет их резкую перемену?

- Нет. Но то, что они боятся Нину, – вполне. Вы видели, как забежали глаза того амбала, когда он услышал ее голос? Натуральный страх.

- С чего бы им бояться обычную женщину? – произнесла девушка и застыла на месте.

- Вот и я бы хотел знать, - пробубнил про себя журналист, продолжая путь погруженным в свои мысли.

А Маргарет стояла. Кажется, ее пару раз окликнул Клинт. Но она вспомнила, как уже говорила эти слова. Вспомнила, как недооценивала раньше женщин, считала слабыми и никчемными.

А потом раздался выстрел... Кровь потекла из живота ручьем. Муж пытался закрыть дыру руками, но она была слишком большой. Из нее стремительно вытекала его жизнь. Потом подбежала встревоженная жена. Вот только не к мужу. К солдату. Она принялась перевязывать его руки, грудь, ноги. А муж медленно умирал рядом. Он пытался окликнуть ее по имени, отчего-то не смог поймать его на языке. А потом Джоанна посмотрела на него стеклянными глазами, под которыми виднелись еще не зажившие следы побоев, и произнесла: *«Я целилась в сердце, но у тебя ведь его нет».*

Нет, лучше бы ему не существовать в том же мире, что и она.

[Леон Мартис]

Чем ближе они подходили к лаборатории, тем больше разгорался в Мартисе гнев. Ему уже не хотелось убежать, скрыться, забыть. Хотелось разломать тут все в чертовой матери. Пусть все посчитают его таким же психом, как и остальных, но они хотя бы ему не ввали. Ну, или верили, что не ввали.

На парковке стояло лишь несколько машин, и мужчина с отвращением узнал среди них баклажанного цвета Тайоту, которую подарил жене на день рождения в прошлом году. Она забавно от нее отпиралась и взяла лишь после того, как он настоял. По сути Мартис помог ей успешнее себя обманывать. Так она смогла еще быстрее кататься туда-сюда и пудрить ему мозги.

Один из мужчин достал карточку и провел ей по панели. Дверь открылась, и они зашли внутрь. Изнутри ситуация обстояла ничуть не лучше, чем снаружи: некогда благородный белый цвет стен превратился в грязно серый, осыпающийся в углах; лампочки мигали через одну, хотя вряд ли у них было так плохо с бюджетом. Металлодетекторы издали какой-то демонический звук, когда компания проходила через них, но никто не обратил на это внимания. Единственным звуком, отражающимся от стен, был стук каблучков Амелии, которых Мартис прежде не замечал. Пожалуй, это была единственная женственная деталь в ней.

- Доктор Мартис работает в отделе экспериментальных работ с нестабильными космическими частицами. Это в хвосте здания. Подождите здесь, - сказал военный, когда они зашли в помещение, напоминающее регистратуру в больнице, - я попрошу ее позвать, - военный подошел к панели на стене и приложил свой палец.

- Не говорите, кто я, - быстро окликнул его Мартис.

Мужчина проигнорировал журналиста и тут же спешно заговорил, практически прижимаясь лицом к панели:

- Доктор Мартис, к вам...кхм, пройдите в комнату A12. Это срочно, - он убрал палец, и экран быстро потух: - Не знаю, что вам здесь надо, но не советую долго задерживаться, - мужчина взглядом намекнул своим оставить Оливера на стуле, затем военные ушли.

- И что дальше? – неуверенно спросил Мартис. – Действительно, зачем мы тут?

- Изначально мы хотели скандала, - заговорил Клинт, по-свойски расхаживая по комнате. – Хотели, чтобы люди узнали. Тогда бы лаборатории уничтожили. Это одна из них, тех лабораторий, ответственных за то, что с нами сделали. Эксперименты с космической пылью и излучением, которое оставило свой явный след после взрыва Бетельгейзе. Было создано устройство, которые смогло это излучение поглощать. Путем регулирования дозировки можно было безвредно облучать человека. Таким образом считывались все жизненные воспоминания.

Журналист присел на стул рядом с Оливером и инстинктивно принялся чесать голову.

- Считывание воспоминаний? Зачем?

- Хотя бы с той благой целью, - вмешалась Амелия, ни на секунду не отводящая взгляд от Клинта, - что люди, теряющие память с возрастом или из-за болезни, могли бы этого избежать. Но, конечно же, в данном случае все было ради другой цели.

Мальчик непроизвольно сжался, стремясь стать еще меньше, чем был. Мартис вопросительно на него посмотрел и тут же с озарением вскрикнул:

- Хочешь сказать, что ты это организовал!? – в его голосе были чуть ли не нотки восторга.

Амелия посмотрела на него с ужасом, Маргарет закатила глаза. Клинт кротко и без гордости кивнул.

- Я хотел...жить вечно. А точнее – переродиться со своими воспоминаниями. Для это стоило лишь найти одного младенца и один труп, - всех в комнате пробила дрожь от того, как легко мальчик произнес это. – Если пояснить, то младенец – лучшая оболочка. Своя память едва ли успела развиться, поэтому легко принимается другая. Ну, а труп...Память человека отмечает каждое миллисекундное действие человека, так что если он жив, то всех воспоминаний никак не собрать. Если говорить философски, то это переселение душ. Все достаточно просто.

- И бессердечно, - прибавила Маргарет.

- Верно. Самое ужасное во всем этом то, что для более эффективного результата мы занялись искусственными магнитами, притягивающими излучение Бетельгейзе. И создали их. Именно это стало причиной относительной массовости перерождения. Воспоминания принялись даже детьми, рожденными через десять, а то и двадцать лет. Да, первые двенадцать лет после взрыва считают пиком смертности, но по сути даже сейчас это излучение оказывает на планету влияние. И намного большее, чем должно. Я почти уверен, что в лабораториях все еще есть эти магниты. А само их существовании усугубляет ситуацию.

- Хочешь сказать, такие, как мы, будут продолжать рождаться?

- Еще около пяти-семи лет...скорее всего. И то, если остановить процесс сейчас.

Амелия молча подошла и влепила ему звонкую пощечину. Никто ее не остановил и даже не укорил в этом. Мартис озадаченно пытался поймать

взгляд мальчика, но тот уставился в пол. Даже если все это лишь его выдумка, может ли он нести на себе такую ношу? Мужчине хотелось что-то ему сказать, но он никак не мог поймать нужные слова на языке. Укорить? Пожалеть? Внутри все сжалось. Вот, что бывает, когда связываешься с сумасшедшими.

- Вы хотели уничтожить тут все. Ну и что же изменило ваше решение? – журналист скрестил пальцы на руках, опираясь на спинку стула и отпихивая локтем голову Оливера.

- Вы, - отозвалась Маргарет, а потом, посмотрев впереди себя, добавила: - и она.

В дверном проходе наконец показалась Нина Мартис. Она вбежала в комнату и тут же упала перед журналистом на колени, словно собака, ожидающая наказания. Но не успел Мартис должно отреагировать, как женщина подскочила на ноги и испуганно огляделась. Казалось, она поймала взгляд мужчины, стоявшего за стойкой, потому что он тут же испуганно удалился. Женщина прошла таким же тяжелым взглядом по всем незванным гостям, но никто больше не сдвинулся с места. Нина нервно затеребила волосы, не в силах сказать и слова. Было видно, как побелели костяшки ее пальцев. В глазах был страх, но плакать она не собиралась.

- Нина...,- начал было Мартис, но жена лишь помотала головой.

- Не говори, я знаю, что ты меня ненавидишь. Наверняка, даже испытываешь отвращение.

- Нет, я вовсе не...,- но слова застряли в горле. Почему-то он не хотел прощать.

- Да, я ужасна. Но все это лишь из-за огромной любви к тебе, - она снова самозабвенно упала на колени.

- Нина, прекрати сейчас же. Встань!

Но женщина опустилась еще ниже. Мужчине пришлось рывком поднять жену с пола и слегка тряхнуть. Она, блее снега, устыженно посмотрела на мужа. И он понял, что так его злит. Нина не когда не лепетала и не унижалась. Она всегда казалась ему бабочкой, живущей одним днем и оттого летающей во всех направлениях. А он манил ее, словно свет. Женщина всегда соглашалась на его условия, но делала это так, словно это ей все должны. Нина была по-своему гордой.

Но в этот момент его жена умерла. Рассыпалась на глазах. И тот образ, за который он, возможно, лишь на секунду мог в нее влюбиться, исчез. Женщина смотрела на него уже мертвыми глазами, в которых было лишь слепое обожание, бесконечная преданности и ненависть к самой себе. Мартис думал, что она любила себя, да так сильно, что сама жизнь в итоге влюбилась в нее. Да кто бы устоял перед такой красотой. В свои тридцать четыре Нина едва ли выглядела на двадцать. Кто, как не сама жизнь, укрыли ее от старости? Сам мужчина никогда не цеплялся за внешность, но не раз видел завистливые взгляды прохожих. Ох, а если бы они узнали, что ее муж так ни разу к ней не прикоснулся? Их кровати стояли в разных комнатах.

- Прошу, милый! Только не покидай меня! Я стерплю все, кроме разлуки, - она все говорила и говорила.

Мартис молчал. Слезы наконец потекли по прекрасному женскому лицу. Но как же ужасно они его исказили. Жена Леона Мартиса никогда не плачет. Она просто не может этого уметь, ведь ее любит жизнь.

Мужчина снова подставил жену на ноги, а затем едва заметно оттолкнул от себя. Та зарыдала еще пуще, от чего у журналиста засосало под ложечкой. Он отвернулся, чтобы не видеть чудовища, коим когда-то была его жена.

- Какой же вы все-таки идеалист, - Маргарет подбежала к Нине, чтобы помочь ей успокоиться, но женщина отпихнула ее, чуть не шипя.

- Это вы виноваты! Вы ему рассказали! - Нина набросилась на блондинку с кулаками.

- Мы лишь хотели...

- Да плевать мне, чего вы там хотели, - злобно прошипела женщина. Ее некогда прекрасные зеленые глаза затуманились гневом.

В этот момент Мартиса замутило. Он молча встал и вышел из комнаты.

[Амелия Риксли]

Амелия молча стояла, наблюдая, как Маргарет пытается успокоить жену Мартиса. В какой-то момент она даже забыла, что стоит совсем рядом со своим убийцей. Ей, как и журналисту, резко стало дурно от такого прилива животных эмоций. Эмоции Нины понять было невозможно. Такое слепое пресмыкание перед мужем казалось слишком наигранным. Судя по реакции людей в этой лаборатории, Нину Мартис уважали и боялись. Ее ледяной голос в телефоне внушал ужас. А теперь эта женщина ползала на коленях, умоляя о прощении.

«Мерзко»

- Ну, в любом случае, своей цели мы достигли.

Амелия резко отскочила в сторону, когда возле ее уха раздался голос. Оливер лишь загадочно усмехнулся.

- Как ты...Ты ведь был без сознания, - ошарашенно сказала женщина.

Теперь и остальные обратили внимание на лидера.

- Ну, я уже очнулся. Давайте вернемся к делу. В конце концов мы добрались до Нины Мартис, как и планировали, - он подошел заплаканной женщины и, наклонившись, галантно поцеловал ее руку. - Здравствуйте. Приятно наконец с вами познакомиться.

Женщина брезгливо одернула руку, моментально преобразившись в лице. Оно стало каменными, без эмоциональным.

- Ну, ладно. Тогда перейдем сразу к делу, - мужчина приторно улыбнулся, словно наслаждаясь ситуацией. - Не могли бы вы стереть нам память, - слегка подумав, он добавил: - Пожалуйста.

Амелия внимательно наблюдала за лицом женщины, силясь понять, о чем она думает. Но ученая казалась непроницаемой.

- Кто вы такие? - Нина обвела всех изучающим взглядом, сама подыскивая ответ. - Использовали моего мужа, чтобы попасть сюда. Как низко.

- Ну а ты сама невинность, - не удержавшись, злобно бросила Риксли.

- Мы не были уверенны, что это сработает. Но все же, я неплохо изучил вас, — гордо произнес Оливер.

«А еще ты неплохо изучил меня» - подумала Амелия. Только сейчас она поняла, что весь этот спектакль с передачей состоялся лишь ради нее и Мартиса. Какими бы не были их изначальные планы, Оливер неплохо их перестроил. «Он с самого начала знал, что я буду в зале, и решил разозлить меня. Вот же ублюдок».

Она не доверяла ему. И никому в принципе. Но пока у нее есть возможность держать Клинта в поле зрения, Амелия была на это согласна. Ей не нужно стирание памяти, лишь воспоминания своего убийцы в том теле, убийцей которого сможет стать она. И плевать, чего это будет стоить ей или ученым.

- Простите, что разрушили вашу и без того не слишком крепкую семью, но я ведь предлагаю сделать благое дело, - Оливер снял очки, и добродушно улыбнулся.

Нина отчего-то снова побледнела и весь ее воинственный запал пропал. Она вновь осмотрела присутствующих.

- Вы...

- Да, - бегло ответила Маргарет, уже еле сдерживаясь, - Прошу, вы ведь можете отделить нашу память. Сделайте это, и мы вас больше не потревожим.

- Вы уже разрушили мой брак. Что я потеряю, отказав вам? - ее голос резал воздух, словно стальной нож, но злость куда-то ушла.

- Уверен, не все еще потеряно. Возможно, я мог бы сказать несколько «исцеляющих» слов мистеру Леону.

Нина сощурила глаза. Амелия видела, как мужчина играет с ней. Он нашел ее самую драгоценную вещь и сломал. А все для того, чтобы потом предложить склеить. «Возможно, он поступил так с каждым из нас, а мы и не заметили» - скривилась женщина. Ей было противно, что никто здесь не знал, что у Оливера на уме. Хочет ли он стереть свои воспоминания? Или им тоже движет месть?

- Таких слов не существует. Вы раскрыли ему всю правду. И я не дура, чтобы все отрицать. Он уже верит вам больше, чем когда-либо верил мне.

- Ну, подумаешь, узнал ваш муж, что вы работаете. Ну даже, допустим, в достаточно незаконной лаборатории. Если это разрушит ваш брак, то, боюсь разочаровывать, он уже давно разрушен, - нетерпеливо выкрикнула Маргарет.

Нина удивленно вскинула брови и бросила едва заметный взгляд на Оливера. Тот тихо усмехнулся. И в этот между ними проскочил проблеск взаимопонимания, понятный лишь им одним.

Авельсон ждала. В любой момент она была готова сорваться с места и кинуться самой искать лекарство от своего «недуга». Такие просто не могут жить в гармонии с собой. «Уверена, до этого она перепробовала немало способов забыться. Как бы ему не хотелось искупить содеянное и прожить так всю жизнь, *он* все равно не выдержит. Слишком много ошибок уже было

совершенно» - женщина перевела взгляд на Клинта. – «Но его это, похоже, не сильно волнует. Зачем же тогда стирать память, которой он так дорожит?».

Амелия любила жизнь. И во второй раз она ощущалась совершенно по-другому. Краски как будто стали ярче. И это даже не от того, что небо больше не затянуто смогом, из-за которого не видно падающих бомб. Просто в душе появилось чувство, будто ты можешь все. Интересно, была бы жизнь еще слаще, не думай женщина о мести? Она очень хотела это выяснить.

Нина молча подошла к стойке, за которой недавно стоял другой ученый, и достала большую охапку ключей из ящика внизу.

- Пойдемте, - обронила она.

Все без особого желания повиновались. Снова выйдя в большой коридор, каждый бегло огляделся в поисках Мартиса, но того и след простыл. Скорее всего, приходил в себя в ближайшей уборной. Дальше они миновали несколько однотипных белых дверей, каждая из которых требовала введения пароля. Система, явно, была старой и постоянно давала сбои. Одна из дверей открылась лишь с третьей попытки.

- Почему не купите что-нибудь поновее? – спросила Амелия первое, что пришло в голову.

- Сейчас ведь каждую покупку современных технологий строго отслеживают, - ученая посмотрела на женщину и поняла, что говорит с человеком, заставшим в прошлом веке. – После войны почти все технологии двадцать первого века уничтожили. Все, что создается и воссоздается, теперь строго отслеживается и контролируется. Думаю, нет смысла объяснять, зачем. Так что нам, как преступникам, новое оборудование явно не светит.

Они прошли через заброшенную комнату, которую, по-видимому, еще пытались использовать. Обои слезли от сырости, кафель был почти полностью разбит, на нем валялось стекло и бумаги с химическими формулами. Книжные стеллажи были опрокинуты, как и столы. Стоял запах паленой резины. Не исключено, что уровень радиации здесь превышал норму. Однако пара столов, по-видимому, были подняты и соединены вместе. На них были разбросаны пожелтевшие карты с чертежным планами нескольких зданий. Скорее всего, других подобных лабораторий.

Следующая комната была, как ни странно, приведена в порядок. Это был архив, путь к которому лежал через выбитую дыру в стене. Дверь рядом завалило бетонными блоками. Внутри стояло около двадцати плотно прижатых друг к другу книжных полок, вычищенных практически до блеска. На них пронумерованными рядами стояли железные коробки. Каждая с замком.

- А вы не любите гостей, я смотрю, - усмехнулся Оливер, но на его шутку никто не отреагировал.

Амелия заметила, что Клинт что-то активно принялся строчить в блокноте. Ей не раз хотелось вырвать его и прочитать. Но она выжидала.

Внутри архива уже копошилась парочка ученых, но Нина жестов заставила их выйти. Начинало складываться впечатление, что в этой лаборатории она главная. Потом женщина подошла к стеллажу в углу и, пройдясь пальцем по номерам, нашла нужный. Продолжая загадочно молчать, Нина подобрала

нужный ключ и открыла коробку. Внутри оказалась очередная кипа непонятных бумаг.

- Вот, - она практически впечатала их в грудь Оливера. - Это все, что есть.

Мужчина бегом прошел по листам глазами, а потом передал Клинту. Тот в свою очередь внимательно прочитал. Его глаза расширились, и мальчик понимающе кивнул сам себе.

- У них недостаточно информации. Никто здесь попросту не сможет провести такую сложную операцию даже под моим руководством, - он полностью погрузился в предоставленную информацию. - Здесь есть отчеты о самых первых экспериментах с частицами и нескольких неудачных попытках перемещения памяти. Но остальное...Я надеялся, что здесь есть приемники тех, кому я доверил свои знания, но, похоже, все они мертвы.

Нина молча кивнула.

- Ну, тогда сам проводи операцию! - предложила Маргарет.

Но Клинт лишь помотал головой:

- Раньше мой мозг был идеальной машиной, способной запоминать тонны информации и отсеивать ненужное. Сейчас я способен понять, что это «ненужное» намного важнее. Однако на память это оказало немалое влияние. Вспомнить все мельчайшие подробности процесса спустя столько лет...Уж простите, - Клинт аккуратно положил бумаги обратно.

- Хочешь сказать, все было зря? - Маргарет закипала.

Амелии такой вариант тоже был не по душе. Она понимала, что не готова убить ребенка, чью бы память он не хранил. А такой расклад событий рано или поздно сведет ее с ума.

- Мои записи. Я хранил их в своем кабинете в потайной комнате, - мальчик инстинктивно погладил карман, где лежал его блокнот. - Вряд ли кто-то смог найти это место, даже армия, опечатавшая его.

- И где же это? - спросила Маргарет.

- В Женеве, - вырвалось у Амелии.

[Клинт Лайман]

Он хорошо помнил швейцарский город, который стал эпицентром устроенного им взрыва. Пока улицы, на которых прошло его детство, поглощал огонь, мужчина находился уже далеко за городом, наблюдая за происходящим с экрана планшета. Он помнил тот оглушающий звон колокола, упавшего с рушившейся церкви. Огонь растекся до самых окраин, дым закрыл все небо, виднеясь на многие километры.

Инициатором был не Клинт, но он был тем, кто отдал приказ. Идеальная оболочка войны в это время распевала дифирамбы во Франции, не сильно заботясь о технических моментах. Марсель любила говорить, и ей любезно предоставили такую возможность. О да, женщина-мессия. Та, за кем пойдут, - несчастная жертва современного миропорядка. Рыжие волосы, зеленые глаза, молочная кожа превращали ее в ведьму, готовую гореть в огне войны. Многие слушали, но вряд ли слышали, за что она боролась. За словоблудием

скрывалась эгоистичная мечта о мировом господстве; хотела, чтобы ей восхищались миллиарды.

Клинту нравилось на это смотреть. Ему не были ведомы эмоции с самого рождения, поэтому он «питался» эмоциями других. А Марсель зажигала в нем целый очаг. Она обожала высокие трибуны, легкие платья и большие шрамы. Клинт упивался этим обожанием. Таких ярких звезд едва ли было много на земле, и он хватался за единственную, что смог найти. Мужчина делал все, чтобы она не пожелала. Весь мир летел к чертям, а Клинт писал об этом в своих блокнотах. Даже если отсутствие эмоции позволило развить феноменальную память, ему нравилось выливать слова на бумагу.

В конце концов, загорелась и сама Марсель. Многие верили, что она, словно птица-феникс, восстанет из пепла, но женщина просто сгорела, как сгорает всякий обычный человек. Где-то в глубинах России уже на подходе к Китаю, настиг ее же пожар. Тогда-то Клинт и задумался о бессмертии памяти. Марсель уже было не спасти, и он решил сохранить себя, как сосуд памяти о ней. Знал бы мужчина тогда, что новое тело принесет совершенную другую жизнь и... *чувства*.

- Клинт, эй!

Мальчик пришел в себя, когда Маргарет зарядила ему подзатыльник.

- От Женевы ничего ведь не осталось? – отрешенно спросила она.

- Моя кабинет и лаборатории находились под землей. Сомневаюсь, что они сильно пострадали, - он помедлил: - в отличии от людей, которым было о них известно.

Его самого часто пугала хладнокровность собственного голоса. Он боялся снова все потерять.

- Даже если так, Швейцария далеко не туристический курорт. Попасть туда негражданам чертовски трудно. Не говоря уже о том, что у нас тут несовершеннолетний, - Амелия брезгливо покосилась на Клинта.

Стирание памяти юноша воспринимал как смерть, так что он был готов умереть от руки Амелии. Если так ей станет легче, то это будет лучшее, что ему удалось сделать за все жизни.

- Пропуска не проблема, - загадочно заключил Оливер. - Я знаю парочку таких же, как мы, в Швейцарии. Если надо, то можно оформить дальнейшее родство. Конечно, правительство будет требовать анализ ДНК, но это будет уже по прибытие. Только у них есть такие технологии. Страна ведь почти все себе заграбастала, как компенсацию. А вот с Клинтом...Твои родители не подпишут соглашение, да?

- На это все уйдет слишком много времени! – сказала Маргарет.

Нина, до этого молча наблюдавшая, громко хлопнула руками и в установившейся тишине сказала:

- Мы можем здесь сделать ему паспорт, как совершеннолетнему. Это займет около часа. Также мы покроем авиабилеты до Австрии, откуда будет проще и безопаснее перебраться через границу, не привлекая внимания.

- Зачем тебе это? – удивленно вскинула бровь Амелия.

Все остальные тоже насторожились.

- Я хочу, чтобы операцию провели в нашей лаборатории. Вы должны вернуться сюда, - и прежде, чем кто-то успел открыть рот, Нина продолжила:
- Без вопросов. Можете сколько угодно отрицать, но сейчас у вас связаны руки. Хотите сделать все быстро и без лишних проблем – сотрудничайте с нами. И без шуток. Я могу сделать так, что вас посадят в самую ужасную тюрьму на еще ближайшие пять жизней.

Наступило затяжное молчание. Наконец Амелия спросила:

- А что скажет на это ваш муж?

- Пусть уже говорит и думает, что хочет. Когда это закончится, все вернется на круги своя, - это прозвучали достаточно угрожающе из ее уст.

- Ну, на том и порешим. Тогда занимайтесь билетами и паспортами – да, боюсь, свой я тоже куда-то задевал – а мы пока поищем вашего мужа, - весело произнес Оливер.

Вся компания дружно вышла обратно в длинный коридор. Развилка было не так много, но затеряться в лаборатории было не сложно. Тем более что Нина практически сразу свернула в другую часть здания. Остальные поодиночке разбрелись, изучая разные комнаты.

Клинт забрел в другой, но схожего типа, архив. Этот в отличие от прошлого предназначался для общего пользования: ни одна из коробок не была закрыта на ключ. Здесь, в маленькой комнате двадцать на двадцать, толпилось по меньшей мере десять человек. Мальчик незаметно протиснулся между ними и, сняв первую попавшуюся коробку с нижней полки, поставил на стол в углу. Внутри оказались документы по генной инженерии. Технология CRISPR, открытая в 2012, здесь рассматривалась с точки зрения точечного редактирования генов для того, чтобы влиять на внешность потомства. Эксперименты в этой области запретили уже в 2014, но неудивительно, что Клинт нашел их здесь. Он сам когда-то подумывал над созданием собственной копии. Но ему не понравилась та шумиха, что возникла из-за CRISPR. Тем более, когда дело дошло до копирования мозговых клеток, это стало слишком накладно.

Клинт никогда не был приверженцем расового неравенства. А технология «киспера» именно это и предполагала. Богатые могли позволить себе менять эмбрионы, как им вздумается. Бедным практически «приходилось» любить тех, кто рождается. Мужчине это не нравилось как минимум потому, что его самого это никак не меняло.

Юноша погрузился в чтение, испытывая какую-то позабытую ностальгию. Попутно он описывал переживаемые противоречия в блокнот.

Час пролетел незаметно, и Лайман вздрогнул, когда один из ученых опустил руку на его плечо.

- Все готово, пройдемте со мной.

[Леон Мартис]

Он несколько раз проделывал путь из коридора в уборную и обратно. Сначала ученые даже не хотели обращать на него внимание, но зеленый вид его лица наконец привел их в чувство. А вот сам Мартис едва ли чувствовал прилив

сил. Он был тяжело болен предательством. Но еще страшнее было болезнь под названием «унижение». И от нее было невозможно спрятаться.

Журналист прошел насквозь пару комнат и заметил, как в конце комнаты быстрым шагом бродила его якобы жена, производя какие-то вычисления и попутно указывая двоих молодым парням на их ошибки. Эту женщину он тоже не знал, но она казалась приятнее предыдущей. Мужчина поспешил уйти. В его голове закружился уже неплохой сюжет с ним в главной роли. Дурная привычка – писать в голове «статьи».

- Мартис, вот вы где! – с облегчением выкрикнула Маргарет.

За женщиной следом шли остальные за исключением Оливера. У всех в руках было по билету и серой куртке. С таким набором они выглядели как настоящая банда. Когда Маргарет молча протянула такой же и ему, он отчего-то даже засмутился.

- Что случилось? – спросил он, все же взяв куртку и себя в руки.

- Небольшое путешествие в Женеву, – как бы невзначай произнесла Амелия.

Лоб Мартиса покрылся испариной. Вот уж последнее место, где он хотел оказаться. Трагедия в этом городе и так преследует его по жизни. Они с матерью были там всего пару дней, когда вместе с другими иммигрантами пытались бежать через Италию в Алжир, принимающий беженцев. Тогда еще Швейцария принимала к себе иностранцев для восстановления разрушенного, пока основные военные действия перекинулись на Восток. Мартис был совсем ребенком, но в его памяти ясно отпечатались те руины, в которых лежал город.

До Алжира они не добрались. Порт, с которого они должны были отплывать, разбомбили накануне, и Леон с матерью обосновались сначала в Словении, а потом в Венгрии. Здесь они вдвоем и остались. А потом только Мартис.

Маргарет вкратце описала сложившуюся ситуацию, и журналист понял, что это его последний шанс пойти на попятную. Свою роль он, похоже, выполнил. Да и этого уже с головой хватит на целую разворот в журнале. Ну, или на толстую папку в лечебнице.

Мужчина открыл рот, чтобы закончить весь этот спектакль, но неожиданно понял, что его «болезнь» прогрессирует. И ее симптомом явилось помутнение рассудка. Нет, совершенное безумие. А, возможно, просто одиночество. Он посмотрел на Клинта, как всегда жавшегося где-то в конце: мальчик выглядел еще несчастнее, чем прежде. Потом журналист заглянул в себя, и понял, что ничто и никто его больше не держит.

За столько лет жизни в этой стране Мартис так и не научился ее любить. Он не смог завести здесь близких друзей или нормальную семью. А после начала работы журналистом мужчина и вовсе стал рассматривать людей исключительно как материал для репортажа. В этом было его призвание, но оно требовало отдать душу взамен.

И теперь Леон Мартис понимал, что, если уедет из этой страны сейчас, но вряд ли уже когда-то вернется. Пусть уж лучше его похоронят развалины Женевы. Так хоть кто-то сможет об этом написать.

- Давайте сюда, - сказал он, выхватывая билет. - Надеюсь, полет будет достаточно долгим, чтобы вы успели сделать меня таким же сумасшедшим.

Оливер вернулся еще через двадцать минут с новенькими паспортами для каждого. Мартис уже успел заметить, что в билетах у всех напечатаны другие имена, но все равно удивился, когда паспорт дали и ему.

- Так будет безопаснее. Ваша профессия накладывает определенный штамп и привлекает внимание. Австрии тоже не чужда подозрительность. Мы не первые, кто так добирается до Швейцарии, - объяснил Оливер. - Думаю, можно выдвигаться.

Все засеменили к выходу. Мартис стоял в смятении и никак не мог понять, хочет ли увидеть Нину перед отъездом. В ответ на вопрос из-за угла вышла его миниатюрная жена в облегающем белом халате. Она не решалась ступить шага и, потупив взгляд, стояла, прислоняясь к стене. Женщина ждала немого позволения приблизиться, и журналист понял, что не хочет его давать. Они простояли так лишь пару секунд, а потом мужчина отвернулся и пошел к выходу. Нина смотрела ему вслед, пока он не скрылся за дверью.

Они снова шли по выжженной земле, потом через лес, а затем опять ехали в кромешной темноте, давясь отвратным запахом салона. Никто не говорил, синхронность действий вводила в некий транс. Только Оливер насвистывал какую-то старую английскую мелодию.

Теперь Мартис не чувствовал себя пленником. Он знал, что даже если сейчас выпрыгнет из машины, никто за ним не погонится. Скорее всего, они взяли его лишь из жалости. Теперь, обернись все иначе, сам журналист взял бы их в заложники. Почему он никогда не замечал, как сильно вцепился в женскую юбку? Думалось, что это Нина бежит за ним. Но разве?

Аэропорт Дьёр-Пер также находился слегка за городом от самого Дьёра, так что въезжать снова в город не пришлось. В стране в принципе осталось не так много аэропортов. Самый крупный, конечно, был в Будапеште; по одному в Дебрецене, Шармеллеке и Дьёре. Дальше уже шли в основном частные авиабазы. И так ситуация обстояла в большинстве стран. Кое-где их упразднили даже в столице. Зато Швейцария наряду с Францией и Италией владела огромным количеством частых авиакомпаний, хоть были полузакрытыми странами.

Самолетами теперь летали намного реже, так что было неудивительно, что потрёпанный самолет компании Wizz Air заполнился едва ли на половину. Одна стюардесса пару раз прошла по салону, делая вид, что проверяет ремни, а потом села на одно из пассажирских мест и уставилась в окно.

Мартис с Клинтом сели вместе на свободные места, даже не взглянув на билеты. Остальные разместились поблизости. У журналиста последний час неистово урчало в животе, но, похоже, никто не собирался предлагать ему еду и напитки. К тому же в голове постоянно крутились мысли о жене. Он пытался ее простить, но еще больше пытался понять, за что. За то, что тайком работала? Не прожигала жизнь, как ему казалось? А может, за то, что любила его, хоть мужчина об этом не просил.

Мысли путались, и журналист решил отвлечься за разговором, дожидаясь высадки в Вене через полтора часа.

- Был когда-нибудь в Женеве? – спросил он у мальчика, вдумчиво читающего первый попавшийся журнал.

- Спалил ее однажды, - без энтузиазма ответил тот.

Сначала Мартис по профессиональной привычке усмехнулся, но потом со страхом переспросил:

- Неужели не шутишь?

Клинт удивленно отложил журнал.

- Неужели верите?

- Дай мне шанс.

- Я родился в тысяча девятьсот шестьдесят пятом. И первое, что мне довелось почувствовать, - всепоглощающее «ничего». Врачи сказали моим родителями, что я никогда не смогу познать эмоций. Тогда они от меня отказались.

- Шестьдесят пятый! С ума сойти. Да ты старик!

- Я умер в двадцать четвертом. Кажется, пятого марта.

- Что случилось?

Мальчик помедлил. Чувствовалось, как загудел мотор, а вместе с ним и весь самолет.

- Меня расстреляли. На площади в Женеве. Символично, ничего не скажешь.

Тень, проскользнувшая на лице Клинта, впервые по-настоящему испугала мужчину. Пятнадцатилетний мальчишка в душе действительно был столетним стариком. Мартис перекрутил сказанное в голове, и его глаза расширились. Амелия, наблюдавшая за этим с параллельного сидения, горько улыбнулась.

- Ты...

Повис немой вопрос, а потом глухое осознание. Мартис надолго замолчал.

[Маргарет Авельсон]

На весь салон было слышно рев двигателя, который заглушал даже собственные мысли. Маргарет это раздражало. В такие моменты она всегда кидалась на других.

- Эй, Оливер, кем ты был раньше?

Мужчина в очках, до этого делающий вид, что спит, приподнялся в кресле.

- Я разве не рассказывал? – он задумчиво посмотрел в потолок, словно вспоминая. – Ну, был обычным банковским рабочим. Потом мой банк закрыли, и пришлось подрабатывать сантехником. Женат не был, детей не имел. Достаточно скучная жизнь. Умер то ли от пневмонии, то ли еще от какой заразы.

Маргарет прищурилась. Ей не нравился Оливер. Они познакомились в городе за два дня до выступления, и уже тогда стало ясно, что одним совпадением все не отделаешь. Девушка не раз подозревала, что мужчина уже давно их выслеживает. Возможно, даже обманом собрал их в Дьёре.

Скорее всего, они вчетвером единственный перерожденные в стране. В Венгрии, насколько Авельсон знала, существовала лишь одна лаборатория. Так что процент перерождения крайне мал. Даже смертность в стране была в то время не высокой. Война окружила Венгрию со всех сторон, изолируя от остального мира, но в то же время практически не трогая.

- Ты помнишь вспышку от звезды? – поинтересовалась женщина.

Вопрос задрожал в воздухе, заставляя каждого удариться в воспоминания. Мартис вопросительно на них посмотрел, ожидая, что кто-то об этом расскажет.

- Да как такое забыть, - весело усмехнулся Оливер. - Все небо озарилось светом, да таким, что невозможно было смотреть вверх. Те две недели были незабываемым. Красота, да и только.

Наигранность его смеха вызвало в Маргарет желание ударить мужчину в нос. Было очевидно, что он врал от начала и до конца, и сам Оливер знал, что они знают. Вот только он был им нужен.

- Было не красиво, а страшно, - заключила Авельсон. - Небо дрожало, и словно миллиарды маленьких взрывов, пятна света прорывались сквозь ночь. Это сейчас я могу все так красочно описать, а тогда, подорвавшись с кровати, первое, о чем я *подумал*, было: «Конец». Жена не проснулась после тяжелой смены в больнице, а у меня внутри словно все перевернулось. *Стоял и смотрел*, как небо становится все светлее и светлее. Даже не *подумал* включить телевизор или залезть в интернет. Просто *вышел* на улицу, *сел* на ближайшую скамейку к таким же замороженным, и мы вместе смотрели на небо до самого рассвета, пока глаза не начали слезиться и жечь. Если подумать, то именно это произвело на меня такое впечатление, что захотелось жить каждый день, как последний, - женщина перевела дыхания, собираясь с мыслями. - Джоанна проснулась почти к обеду, вся такая счастливая и отдохнувшая, вышла на кухню, спокойно взялась за готовку завтрака, даже не замечая, что что-то изменилось. А я уже *был* другим человеком! Тогда-то, наверно, в голову и закралась мысль о том, какая же моя жена...недалекая, - Маргарет сделала глубокий вдох, а потом выход, словно отпуская все, что держала в себе.

Ее щеки горели огнем. Было стыдно. В какой-то момент захотелось увидеть Джоанну еще лишь раз и сказать ей...хотя ничего путного она бы все равно не сказала. «Думать надо на вдохе, а говорить на выдохе» - всегда говорила жена. Но у Маргарет всегда все выходило наоборот.

Уже во втором по счету детстве Маргарет пытались привить девичьи манеры, против чего она, конечно, протестовала. Но только первые пятнадцать лет. А потом она вдруг резко поняла, что должна это сделать – прожить жизнь, как женщина. «И вдруг это шоу. И Оливер, предлагающий стереть память. Какие же мы все-таки эгоисты» - Маргарет давно уже это поняла, - Цель разрушения лаборатории быстро перекрыло банальное желание «исчезнуть». А там уже какое нам дело до остальных?»

- Если...если это все правда, разве вы не боитесь его? – слегка дрожащий голосом произнес Мартис, пытаясь отодвинуться от Клинта.

- Такая, как я не в праве судить других, - прожала плечами Маргарет.

Оливер едва заметно кивнул. Чувства Амелии были ясны всем, но она воздержалась от очередной гневной нападки и обратилась к журналисту:

- Легко думать и говорить, когда не веришь во все это. Но теперь попробуй делать то же самое, уже зная правду. Тогда ты напишешь такую статью, что в это поверит каждый. Можешь быть и скептиком, и верующим. Это сначала кажется, что одно другому мешает.

Маргарет покосилась на пассажиров, сидящих в другой части самолета впереди них, но большинство крепко спало, другие, если и слышали, то, конечно же, не поверили ни одному слову. Девушка облегченно вздохнула, сама не понимая, почему. Словно она вдруг стала беспокоиться о других людях чуть сильнее.

[Леон Мартис]

Весь полет мужчина вертелся в своем кресле, словно оно горело. Он то и дело подрылся с места, отсаживался, пересаживался, ходил по салону. А в голове в это время скептик боролся с дуршлагом. Впервые за двадцать лет.

- Извините, - проронил Клинт лишь единожды и больше не говорил.

Мартису хотелось раз и навсегда понять для себя – преступник этот мальчик или жертва. Но, похоже, и то, и другое.

Когда самолет наконец сел, каждый пассажир оказался в полной тишине собственных мыслей. Голова гудела, и все толпясь поспешили выйти на свежий воздух еще до того, как это было разрешено. Вена сразу встретила их морозной погодой, как бы прогоняя, но они и так не собирались задерживаться. Дальше планировалась ночная поездка на автобусе до границы.

- Если не повезет, - сразу предупредил Оливер. – Придется перебираться через границу на своих двоих.

Мартис с грустью подумал о своей физической подготовке, сетуя, что запустил пробежки по утрам. Их заменила стрельба по банкам на заднем дворе. Краем глаза мужчина заметил, как скривилось лицо Амелии и понял, что ей эта затея тоже не по душе.

- А у тебя случаев нет знакомых перерожденных-водителей автобуса? – грустно усмехнулся Мартис.

Оливер на секунду словно бы всерьез задумался, но потом все же покачал головой.

Компания кое-как вместились в такси до вокзала. Мартису пришлось взять Клинта на колени, и ему снова закралась в голову мысль о сыне. Даже когда они уже вышли на улице, он продолжал смотреть на парня так, словно его заставляют топить котенка.

- Fünf Tickets nach Liechtenstein, bitte², - сняв очки, произнес Оливер на чистом немецком и протянул паспорта в маленькое окошко.

Женщина на кассе посмотрела на него исподлобья, и громко цыкнув, отдала документы с билетами на ближайший рейс. То ли ей не понравился его немецкий, то ли их подозрительная компания. А, может, сама работа.

2 «Пять билетов до Лихтенштейна, пожалуйста» (нем.)

- Знаешь немецкий? – спросил Мартис, когда они уселись на скамейку в ожидании автобуса.

- Я родился в Мюнхене, - сказал мужчина, поспешно снова надевая очки. – Думаю, кассирше не особо понравился мой акцент. Ты же знаешь, какие поганые у Австрии с Германией сейчас отношения.

Теперь явную ложь распознал и журналист. Начиная проникаться доверием к этим ребятам, он понимал, что Оливеру доверяет в последнюю очередь. Театральный образ посредственного человека удавался ему слишком хорошо.

- И как же так вышла, что ты знаешь венгерский?

- Потому что родился в Венгрии, - снова театральная пауза. – Если можно назвать это выведенной закономерностью, то мы перерождаемся там же, где умерли. Ну, точнее в определенном радиусе. В конце концов наша память считается излучением, которое активно притягивают магниты ближайшей лаборатории. Я не эксперт, но, по-видимому...

- Память принимает ближайший носитель, - перебил его Клинт. – Это побочный эффект, но я совру, если скажу, что мы его не предвидели. Почти все эксперименты показали неизбежность такого исхода. Но если говорить конкретно, то да, умерший скорее всего переродится на территории той страны, где и погиб. Это никак не связана с самой природой излучения. Просто ограниченный радиус.

- То есть до этого вы могли быть и иностранцами? – удивленно выгнул бровь журналист.

- Мы ими и были, - усмехнулась Маргарет, и это был чуть ли не первый раз, когда Мартис видел ее улыбку. – Я была чистокровным бельгийцем. Причем в четвертом поколении.

- Тогда понятно, откуда такое самомнение, - высказалась Амелия.

Девушка лишь фыркнула в ответ.

- Удивительно, - только и смог пролепетать журналист, все больше погружаясь в эту историю.

Автобус приехал с опозданием, но путешественником это было только на руку. Они успели смести половину ассортимента в ближайшем магазине и наконец наполнить животы. Оливер пару раз отходил и с важным видом разговаривал по телефону, что наводило еще больше таинственности и подозрений.

Транспорт набился людьми под завязку, и внимание водителя сразу привлекли люди без багажа.

- Так легче бежать через границу? – пошутил или не пошутил он.

В любом случае ему так или иначе пришлось приковать глаза к дороге. Никого вопрос о перебежке, казалось, не смутил. Частые случаи – частые вопросы. Все равно все остаются при своих мыслях.

Мартис в этот раз не сильно церемонился с выбором соседа, просто выбирая из принципа «Не Клинт» и уселся рядом с незнакомой девушкой лет двадцати пяти. Правда, уже через час он молча пересел к Амелии, так как его соседка начала общаться с ним на английском.

«Похоже, я становлюсь параноидальным социофобом» - заключил мужчина и последующий час сидел, уставившись в одну точку впереди себя. Он все еще не знал, как вести себя с Клинтом, и как маленький, решил просто его избегать. Чуть позже журналист понял, что если будет бояться или ненавидеть мальчика, то значит будет всецело верить его истории. Мартис окликнул Амелию, которая все это время смотрела на однородный сумеречный пейзаж.

- Он действительно тебя убил?

Разъяснений не потребовались.

- Да.

- И ты хочешь убить его?

Ответ был аналогичным.

- А где ты родилась?

- Франция. Очаг войны. Самое ее пекло, в которое нас тут же затянуло. Я жила с родителями и сестрой в одной из деревень недалеко от Парижа. Не богато, но и не голодали. А потом отца забрали. Стали клепать эти жуткие фабрики, возвращая эру ручного труда. Мать угнали туда. Она не продержалась и года. Отец не вернулся. Может быть, Он и не убил их лично, но все это произошло по его вине, - она замолчала, и какое-то время просто смотрела на свои руки. - Нас с сестрой придавило обломками горящего дома уже тогда, когда война была окончена. Я узнала это только будучи Амелией. На следующий день все страны подписали мирный договор, а Клинт...ну, то есть...в общем он был казнен. Знаешь, как часто я думала, почему мне дали второй шанс, а не сестре, которая была еще младше?

- Подожди, ты умерла на родине?

Женщина кивнула, продолжая разглядывать свои ладони, словно на них все еще остались ожоги.

- Я родилась снова всего через шесть лет. Небольшой срок, я тебе скажу. Ты, наверно, уже хорошо помнишь это время, когда никто не мог найти себе места. Страны похватали те территории, до которых могли дотянуться, но после уничтожения большинства технологий и замедления научного прогресса все пришлось восстанавливать заново. Еще бы кто знал, что восстанавливать можно, а что - нет. И вот мне снова «повезло». Мои якобы родители продали пятилетнюю меня за старенькие мобильные телефоны, которых было не сыскать. Век цифровых технологий ушел, и люди предпочитали тонуть вместе с ним. Ну, так я и оказалась в Венгрии, так что можешь похлопать моему венгерскому без акцента.

Она так заразительно рассмеялась над такой ужасной вещью, что Мартиса пронял дрожь, а потом он почему-то тоже начал смеяться.

Было три часа ночи, когда автобус остановился. Мартис буквально полчаса назад сверялся с картой в телефоне и приблизительно знал маршрут. До Лихтенштейна было еще около часа. Однако водитель включил свет и вышел на улицу.

- Наверняка, просто отлить, - проскользнуло едкое замечание в задних рядах.

Амелия приподнялась и сладко потянулась. Ее, в отличие от мужчины, настиг сон. Большинство других пассажиров тоже спали, так что из-за остановки ворчали, скрежеща зубами. Некоторым захотелось пойти проветриться.

Но в этот момент в автобус зашли двое. Наляпистость различных цветов на зеленых куртках сразу выдала в них швейцарских военных. Их лица были непроницаемы, на поясе у каждого висело по новенькому – если так можно сказать о модели девяностых - пистолету ITM-84. Мартису лишь снилось подержать такой в руках. Мужчины провели взглядом по всем пассажирам, а потом начали требовать паспорта. Некоторые от возмущения поднялись и начали громко выступать, но военные пригвоздили их к своим местам одним взглядом. И рукой, лежащей на оружии.

- Нас не предупреждали о проверке в пути, - ноющий голос девушки, с которой Мартису довелось сидеть.

- Если бы о ней предупреждали, толку бы не было, - грубо ответил один из мужчин, скорее всего старший по званию.

Помимо проверки паспортов они также принялись шариться по сумкам. Тех, у кого багажа не оказывалось, сразу просили выйти на улицу. Журналист покосился на Оливера, но тот уже встал, чтобы выйти из автобуса. По его лицу как всегда невозможно было ничего понять.

Стояла глухая ночь. Ветер стих, и был слышен только звук визжащих шин, когда машины замедлялись посмотреть, что случилось. Пахло пылью и немного лесом, распростёршимся за их спинами. Никто ничего не объяснял. Из автобуса выставили по меньше мере половину пассажиров, не исключая даже женщину с двумя маленькими детьми. Всех поставили в шеренгу, словно приготовив к расстрелу.

- Милена Рональдс, - крикнул военный, и многие испуганно вздрогнули.

Девушка, чье имя назвали, инстинктивно сделала шаг вперед. Это выдало в ней военную выучку. Мартис не помнил, видел ли ее в автобусе. Пока она разговаривала с мужчиной, журналист потянул стоящую рядом Маргарет за рукав.

- Сидела в самом конце, и сложно было не заметить, как она пялится на всех. Скорее всего, «подселенец» - отозвалась девушка.

Иначе говоря, крыса. Таких развелось полным-полно, ведь правительство почти всех европейских стран страдало изрядной паранойей.

- Но мы вели себя совершенно обычно. Что она может им сказать?

Маргарет пожала плечами.

- Да что угодно, если ей за это заплатят. Может, вы с Амелией не мило щебетали, а обсуждали теракт в Лихтенштейне.

- Мы не..., - начал было Мартис, но не решил, за что надо оправдываться.

А потом он заметил, как Милена Рональдс тычет своим тонким костлявым пальцем в каждого из них пяти по очереди. И еще в двоих неизвестных.

- Куда направляетесь, сэр? – спросил пограничник у Оливера на корявом английском.

- Ну так, в Лихтенштейн же, - усмехнувшись ответил тот на немецком.

Это, похоже, не на шутку взбесило военного, так как он тут же схватился за пистолет. Потом они перекинулись еще парой слов, который Мартис не смог распознать. Он никак не мог понять, что происходит.

- Куда направляетесь, мистер...Хемит, - мужчины с наверняка заряженной пушкой встал перед журналистом, и ему быстро пришлось сообразить, что обращаются к нему.

- Лихтенштейн, сэр.

- А потом?

- Больше никуда. Еду навестить друзей. Через пару дней вернусь обратно, - его голос не дрожал. Он был слишком хорошим актером, когда дело касалось чрезвычайных ситуаций.

Но тут не шла игра на убеждение. Мужчины как будто чего-то ждали. Опросив всех, один из них снова отправился осматривать автобус. В этот момент руки Мартиса коснулась ледяная рука Маргарет. В ладони оказался скомканный клочок бумаги.

- Что это?

Но девушка только шикнула и отвернулась. Пришлось незаметно развернуть записку и, щурясь и сетуя на отсутствие ночного зрения, прочитать крупными буквами лишь одно слово: «Стреляй». Его глаза расширились, и он непроизвольно громко выдохнул.

[Амелия Риксли]

Женщина, поставленная в другую часть колонны, получила через одного точно такую же записку, только вот надпись отличалась: «Беги». То, что Оливер предупреждал о перебежках, совсем не спасало его голову от сильнейшей затрещины. Это был побег, который вполне себе способен закончиться плачевно. Она грубо сжала бумажку, в которой даже не потрудились указать направление.

«Он знал» - было первым, что промелькнула у женщины в голове. Иначе бы не написал подобную бумажку заранее. Стоя в ожидании какого-нибудь сигнала, она внимательно наблюдала за мужчиной в форме, расхаживающим взад-вперед.

- Что происходит, офицер? – невинно поинтересовалась Маргарет, и Амелия поняла, что план Оливера пришел в действие.

Ей не ответили. Но она явно была решительно настроена:

- Мы сделали что-то не так? – ее ангельский голос кого угодно мог ввести в ступор.

Но не хорошо подготовленных людей.

- Сейчас вас еще раз осмотрят, а там решим.

Тут в диалог вступил мужчина, стоящий рядом с Амелией.

- Вы что-нибудь объясните, черт возьми? У меня в автобусе жена и ребенок.

Его тоже вывели наружу, хотя по виду он был обычным примерным семьянином, ни разу не нарушающим закон. Его очки слегка сползли на переносицу, пока он возмущенно мотал руками. Именно тогда женщина отметила, что в очках нет стекол.

Из окна автобуса раздалось жалостное «папа», и в тот момент, когда военный обернулся на звук, добродушный «отец» тут же превратился в бешеного зверя, который выхватил из-за пазухи ствол и ударил обухом по голове мужчины. Тот упал навзничь. Второй тут же выбежал из автобуса и принялся палить без разбору. Послышались людские крики.

Когда Амелия осознала ситуацию, то поняла, что уже на пол пути к лесу. За ее спиной продолжали раздаваться выстрелы. Было непонятно и страшно. Царил хаос. Женщина вспомнила тот ужас, который впервые испытала, увидев оружие. И, признаться, она до сих пор боялась его.

Преодолев первый условный рубеж, Амелия резко затормозила, ухватившись за ближайшее дерево, и посмотрела назад. Свет, до этого рассеивающийся через стекла автобуса, погас. Местность окутала кромешная темнота. Только крики и едва различимые в свете фар от проезжающих машин людские силуэты.

Кто-то тронул женщину за плечо, и она издала самый тихий крик, на который была способна.

- Тише, - это была Маргарет.

- Что там случилось? Где остальные?

- Все вышло из-под контроля. Некоторых застрелили, некоторые ранены, - увидев ошарашенные глаза собеседницы, девушка поспешно добавила: - из наших никто не пострадал. Клинт тоже сразу же рванул в лес, Оливер – за автобус. Мартис начал отстреливаться.

Амелия вспомнила, что у мужчины было при себе оружие и облегченно вдохнула.

- Я, кажется, подвернула ногу, - раздосадовано произнесла Маргарет. – Но пустяки. Еще бы на такое сейчас жаловаться.

Какое-то время они вдвоем стояла, прижавшись к одному дереву и тихо дышали. В такой момент Амелии даже в голову не приходило, что рядом с ней стоял мужчина в девичьей обертке. Все же годы в женском теле не прошли бесследно.

Наконец все окончательно стихло, и они решили вернуться к автобусу.

«Если это было частью его плана, то я выхожу из этой игры. Найду другой способ» - думала Амелия, проходя мимо бездыханного тела девушки, скорее всего Милены Рональдс. Возможно, лишь возможно, Маргарет думала о том же.

Подойдя почти вплотную к дороге, женщины огляделись и поняли, что автобус исчез. Несколько бывших пассажиров сидели практически на проезжей части, их трясло. Кто-то пытался поймать машину. Наконец к ним подошел мужчина, в котором Амелии удалось узнать Мартиса. В руках он

держал свой пистолет. Лицо мужчины было непроницаемо, хоть и едва различимо в темноте. Маргарет подошла к журналисту и аккуратно забрала оружие.

- Я хотел выстрелить в воздух, но он..., - на секунду показалось, будто он расплчется, но это чувство быстро прошло. - Я сделал то, что должен был, - сказал Мартис твердым голосом.

Амелия не знала, случалось ли с ним такое раньше. Скорее всего, он служил. Причем, намного раньше, чем следовало. Из немногословных рассказов Оливера женщина знала лишь то, что он рано стал сиротой. Как и она.

Через пару минут к ним приблизились Клинт и Оливер. Оба тяжело дышали, были слегка взвинченные и все в грязи. Мальчик выглядел ошарашенным, словно впервые увидел кровавое побоище. Он держался за левую руку. В правой у него были какие-то бумаги. Мужчина был просто удивлен, но это пугало даже сильнее.

- Скажи, что все пошло не по плану, - толкнула его Амелия.

- Все пошло не по плану, - сказал на выдохе Оливер.

Но легче не стало. Если он не смог это спланировать, но им конец.

- Один из военных был моим хорошим знакомым. Я попросил его заступить в смену, чтобы нас пропустили. Мы договорились, что я устрою безобидную шумиху, а он передаст мне необходимые документы с разрешением на въезд в Швейцарию. Черт! - он выругался, потом еще раз, но уже словами покрепче.

Выхватил у Маргарет ствол, мужчина запустил его в полет.

- Эй! - только и выдал Мартис.

- Купишь новый. Сейчас у нас хватает проблем. Теперь Никлас, мой приятель, мертв. Умер в ту же секунду, как только тот придурок ударил его в темя. Я заметил подселенца, но проглядел нелегала. Идиот. Он угнал автобус. Та женщина и ребенок, с которым его видели, либо ничего не знали, либо остались не удел, - Оливер кивнул в сторону сидящих на земле людей.

- И что теперь? Будем ждать, пока за нами приедут? - спросила Маргарет.

- Ох, точно не это. Кто-то из пассажиров уже вызвал службу спасения, но нам надо смыться раньше их приезда, - мужчина достал из своего кармана охапку ключей.

- Только не говори, что..., - возмутилась было Амелия, но Оливер даже не стал ее слушать.

- Думай, что хочешь, но это наш единственный шанс.

Женщина сглотнула и почувствовала вкус крови на языке. Она слишком часто кусала губы. Похоже, еще одну свою жизнь Амелия только что пустила под откос.

[Леон Мартис]

Минуя небольшое скопление людей у дороги, компания устремилась к стоящей неподалеку полицейской машине.

- Военные на полицейской машине? - удивленно спросил Мартис.

- Так быстрее. Включил мигалки и едешь на всех скоростях, - предположила Маргарет, но Оливер помотал головой.

- У них полицейский и военный корпус в одном здании, так что и машин выделяют как на одну организацию. Больше, обычно, таких машин, - он похлопал по корпусу новенькой BMW. - более мобильные и эргономичные. Реже надо подзаряжать, - мужчина открыл машину, и она издала ответный сигнал, на который отреагировали бывшие пассажиры автобуса.

Многие из них тут же подскочили с места, но к тому времени, как они подбежали, BMW уже выехало на дорогу, оставляя за собой клубы пыли.

- Дай посмотрю, - услышал Мартис голос Амелии на заднем сидении.

Обернувшись, он с удивлением обнаружил, что женщина обматывает руку Клинта куском своей кофты. Кровь из раны тут же окрасила повязку в красный, так что Риксли пришлось намотать еще несколько слоев. Поймав взгляд Мартиса, она раздраженно сказала:

- Не хочу ехать в одной машине с умирающим.

Мужчина не знал, стоит ли ей говорить, что рана не смертельная. Ему думалось, что женщина скорее сама выстрелит ему в голову, чем будет помогать, но, похоже, помимо мести в ней еще остались какие-то чувства.

- Лучше будет бросить машину где-то на окраине города, пока ее не начали искать. Попробую максимально близко к границе, - сказал Оливер уже на подъезде к Лихтенштейну.

- А потом что?

- Те бумаги, что сейчас у Клинта, могут обеспечить нам свободный переход через границу, но я почти уверен, что показывать их нужно уже после ее пересечения, - в воздухе повис немой вопрос. - Спасательные службы доберутся до места быстрее. Не сомневаюсь, что какой-нибудь самаритянин постарается как можно детальнее описать наши портреты. А с технологиями местной полиции они окажутся в базе уже через считанные минуты.

Мартис почесал голову, раздумывая, сможет ли когда-то вернуться обратно в Венгрию.

- Да уж, - тяжело вздохнула Маргарет, словно читая его мысли. - Путь обратно будет не из легких. Надо было все-таки кому-то остаться.

- Данные из страны все равно было бы не отправить без ведома правительства. Пустая трата лишних рабочих рук.

- А так мы слишком видная мишень! - вспыхнула девушка.

- Погодите, - прервал намечающуюся перепалку Мартис. - Вернуться обратно?

Когда на его вопрос никто не отреагировал, он понял, что знает не все.

- Зачем нам возвращаться? В стране ведь есть лаборатория. Причем, я так понимаю, не одна.

Все молчали и скорее всего взвешивали, стоит ли ему говорить. Мужчина взбесился.

- Не хотите говорить – остановите машину. Я пойду и сдамся полиции. А заодно и дам наводку на вас.

«Предательство за предательство. Ничего личного» - решил журналист, а потом понял, что это было бы отличным заголовком на первой полосе. Повернувшись посмотреть в глаза сидящим на заднем ряду, мужчина заметил, что Клинт снова строчит в своем блокноте. Он уже давно догадывался, что мальчишка там описывает, поэтому без зазрения совести выхватил ежедневник у него из рук. «Кто знал, что стыд и сомнение можно смешать воедино? Где та грань между враньем и ложью во благо? Если бы...» - начал читать Мартис, но Оливер забрал блокнот свободной рукой и передал обратно.

- Мы условились с твоей женой, что вернемся в их лабораторию, - невозмутимо сказал он, уже начиная сбавлять скорость.

- Зачем?

Мужчина лишь пожал плечами и завернул на бездорожье. Мартис какое-то время сидел, обиженно скрестив руки на груди, а потом понял, что выглядит глупо и расслабился. Ему плевать, какие у Нины на то причины. Теперь те, кто сидел рядом с ним – самые близкие ему люди. И в принципе единственные, с кем он мог общаться без опасения попасть под трибунал. Нынче за убийство можно получить пулю без особых разбирательств. Так что у него попросту не осталось другого выбора, кроме как доверять своим «сообщникам». А когда все закончится, он уедет из Европы так далеко, как сможет. Один и навсегда.

- Припаркуем машину здесь, - сказал Оливер, заезжая в кусты. – У нас по крайней мере будет время, пока ее будут искать в этой глуши.

По словам мужчины они находились практически у самой границы. Благодаря свету дорожных фонарей можно было разглядеть темные воды Рейна.

- Друзей на границе, я так понимаю, у тебя не затерялось? – раздосадовано произнесла Маргарет, когда они подошли в реке.

- Чуть дальше есть старый железнодорожный путь Фельдкирх-Бухс. Там раньше была открытая граница между Швейцарией и Лихтенштейном, еще до того, как он был присоединён к Австрии. Уже не безопасно для поездов, но очень даже пригодно пары человеческих ног.

- И хочешь сказать, там не блокпоста?

- На пути у поезда? Скорее множество камер и датчиков движения, - предположила Амелия.

Оливер кивнул.

- Да, этого добра там хватает. Но к тому времени, как нас заметят, мы уже будем в Швейцарии, - мужчина забрал документы у Клинта и демонстративно их потряс. – Это дает нам возможность свободного перемещения по их стране. Фактически, они сами отвезут нас, куда нам надо.

- Да что в этих бумагах такого? – спросил Мартис.

Но Оливер лишь махнул рукой, мол «потом». «Снова тайные заговоры» - угрюмо подумал журналист.

Они двинулись вдоль реки, всматриваясь в ночную темноту. Чем дальше они отходили от дороги, тем сильнее тьма сгущалась. Мартис пару раз споткнулся о камни и даже порвал штанину. Он был грязным, потным, а теперь его образ бродяги дополнила еще и порванная одежда.

Мост найти было нетрудно несмотря на то, что он практически полностью зарос камышом. Все неохотно ступили на шаткую, страдающую от коррозии металлическую конструкцию и пошли вдоль по рельсам. Каждый был предельно сосредоточен, чтобы не упасть в реку, так как от перил моста мало что осталось. Все старались хвататься за выступающие металлические штыки, выдернутые то ли непогодой, то ли людьми.

Маргарет явно хромала, что значительно замедляло ее темп. Но всякой помощи она наотрез отказалась. Тяжелее всего было Клинту. Он держался за перебинтованную руку и шел медленнее всех остальных. В конце концов Оливер не выдержал и, пихнув бумаги идущему рядом Мартису, подставил мальчику свою спину. Журналисту было стыдно от мысли, что он сам об этом не додумался. Он шел и смотрел на этих двоих и видел в них отца и сына.

«Почему мне так часто закрадываются в голову подобные мы...» - и его мысль оборвалась в тот же момент, в который перестал чувствовать землю под ногами. Его слегка полноватое тело «растеклось» по железным путям. В голове звенело, руки схватились за нее. И только спустя пару секунд, когда Мартис снова смог слышать, он понял, что на него кричали. И только еще через несколько секунд осознал, почему. Маргарет своими тонкими ручками быстро поставила мужчину на ноги. Он видел, как горел огонь в ее глазах. А ценные бумаги, стоившие жизни нескольким людям, медленно погружались в черную реку.

- Ты...! - начала было девушка, но Оливер резко прервал ее, велел поторапливаться.

Они быстро пересекли вторую половину моста, заброшенную остановку и какое-то время еще шли по железной дороге, пока она резко не оборвалась. Граница уже была позади, но все ощутили это только, когда наконец остановились передохнуть.

- Какого...черта, - только и смогла выдавить из себя Авельсон, садясь на землю.

Было видно, что больная нога доставляла ей ужасный дискомфорт. Сил на ругань, похоже, тоже не осталось. Клинт слег со спины Оливера и расположился рядом. В темноте невозможно было разглядеть, как обстояли дела с его раной.

- Что нам теперь делать? - спросил он.

- Ну, для начала, - сказал Оливер, доставая что-то из заднего кармана. - Стоит их выбросить, - это оказался телефон.

- Я отключила свой еще давно, - пожала плечами Маргарет.

Остальные кивнули, но мужчина все равно настоял на своем. Отследить выключенный телефон тоже не особо сложно. Все стали доставать свои сотовые. Мартис несколько раз похлопал по карманам штанов и пиджака и понял, что телефона у него нет. Скорее всего, выпал на мосту.

«Что ж, несильная, но мгновенная карма» - заключил он, мысленно прощаясь со смартфоном, купленным на прошлой неделе. Оставшаяся компания просто закинула свои телефоны подальше в поле.

- Ну, а теперь предлагаю хорошенько здесь отдохнуть. Не гостиница, конечно, но земля очень даже мягкая, да и трава приятная.

Все ошарашенно уставились на него.

- Сидеть и ждать, пока нас схватят? Вот твой план? - выгнула бровь Амелия.

- Да, - многозначительно ответил мужчина и улегся на траву.

Через пару минут послышалось его сопение. Остальные же сидели, не способные ни расслабиться, ни тем более уснуть. Говорить тоже было страшно. Любой шорох казался топотом чьи-то ног. Они просто сидели, молча переглядываясь. И у каждого было желание сбежать. Но никто не двигался с места. Мартис периодически поглядывал на часы и был рад, что сохраняет ощущение времени. Спустя полчаса Клинту с Маргарет все же тоже удалось ненадолго задремать.

Приближалось утро, когда со стороны дороги слышались человеческие голоса и шаги. Все тут же поднялись и стали ждать, что же будет дальше. Оливер сладко потянулся и выступил вперед.

- Здравствуйте, - освятил он лучезарной улыбкой пограничный патруль, который явно был не рад незванным гостям.

Они без лишних слов достали оружие и наручники. Никто не сопротивлялся, лишь выжидали следующего хода Оливера.

Потом их тщательно обыскали и повели вниз по склону и усадили в просторный грузовик. На переднее сиденье уселись двое. Между водительским местом и кузовом было сетчатое окно, через которое можно было наблюдать дорогу. Лишь когда машина тронулась, Оливер крикнул водителю:

- В Женеву, пожалуйста. Желательно, на...Куда нам надо? - он перевел взгляд на Клинта.

Тот ошарашенно на него уставился и лишь спустя минуту смог выговорить:

- К-к главной ратуше.

Водитель никак не отреагировал, лишь слегка усмехнулся. Второй насторожился. Тогда мужчина добавил:

- Прошу, во имя Перерождения.

Машина резко затормозила. Мартис бросило в другую часть грузовика, и он больно ударился плечом. Водитель вышел из машины и, покопавшись в замке, распахнул двери. Автомобили, ехавшие следом, тоже съехали на обочину. Из них вышло пятеро, водитель пересказал слова Оливера. Теперь на него испытывающее смотрело несколько пар глаз. Мужчина повторил свои слова, и Мартис с удивлением обнаружил, как пара человек вздрогнула.

- Что вам известно о Перерождении? - наконец спросила женщина в строгом, похожем на офисный, костюме.

- У нас срочная информация для Лорента. Сами понимаете, без жертв ее получить не удалось.

Журналист краем глаза заметил, как Клинт резко вдохнул. В его глазах отразился настоящий ужас.

- Что за информация? – было видно, как женщина резко изменилась в лице. Черты ее лица смягчились, но недоверие только возросло.

- Это касается перерожденных. Мы нашли одного. Он раньше разрабатывал биологическое оружие, и кое-что еще очень хорошо помнит, – загадочно улыбнулся Оливер.

- Который?

Каждого осмотрели с ног до головы.

- А вот этого я не могу вам сказать. Слишком тяжело нам достались эти сведения, чтобы ими бросаться.

- Мы может просто сдать вас австрийским властям.

- Можете, но не станете. Территория ваша, делайте, что хотите. От телефонов мы избавились, так что выследить они нас не смогут. Все в вашей власти. Но ситуация крайне щекотливая, не советую долго думать.

Пятеро отошли переговорить. Было видно, что их мнения разошлись. Спор был готов перерасти в потасовку, на которую Мартис был бы напротив посмотреть. Но вместе этого он сказал:

- Я журналист. Причем достаточно известный, чтобы иметь связи в определенных кругах. Сдадите нас австрийцам и будьте уверены, что я найду способ рассказать всем о вашей маленькой секте, -он был без понятия, о чем говорит, но в таких вещах главное – уверенность.

Спор прекратился и наступило выжидающее молчание. Потом снова несколько перешептываний, и все молча вернулись в машины. Водитель завел двигатель, и они снова поехали. Какое-то время все гадали, куда их везут, пока Оливер, в очередной раз взглянув на дорогу, не сказал, что они едут вглубь страны.

[Клинт Лайман]

Внутри мальчика еще теплились воспоминания о человеке по имени Лорент.

- Что это такое было? – возмущенно начала разговор Маргарет, еще не зная точно, к кому обращается.

- Не имею ни малейшего понятия, – пожал плечами Мартис. – Я сказал то, что требовала ситуация. Профессия приучила либо быстро догадываться, либо делать вид, что догадался. «Во имя Перерождения». Что это еще, если не сектантское приветствие?

- Для секты у них уже слишком много людей и власти, – вмешался Оливер. – Каждый третий в этой стране наверняка ходит на эти сборища, которые они устраивают. И чем их больше, тем смелее они себя афишируют.

- Это было написано в бумагах? – понял Мартис.

- Да. В принципе, от самих документов толку было мало, но информация оказалась ценной. Я давно догадывался о чем-то подобном, но не думал, что все так масштабно.

- Лорент..., - голос Клинта был хриплым. – Кто он?

- А, это...Он руководитель этого, если можно так выразиться, заговора. Не много о нем знаю. Скорее всего, пережиток военного времени, знавший об ваших экспериментах. Агитационную программу не читал, но слышал, что они хотят подарить современному поколению вечную жизнь.

Амелия на секунду задумалась, а потом ее глаза расширились, и она выпалила:

- Цикличное перерождение! Господи...

- Они хотят переносить воспоминания в собственных де..., - Маргарет не договорила, сильно побледнев.

Клинту стало дурно просто от осознания этого факта. Какими бы ужасными не были поступки людей в этом грузовике, они едва ли могли соперничать с стремлением остановить приток нового сознания на Землю.

Лорент был еще мальчишкой, когда Клинт впервые его увидел: такой амбициозный и горящий энтузиазмом. Если мужчина занимался этим лишь чтобы заполнить пустоту внутри, то Лорента восхищало их дело. Казалось, он верил в то, что говорила Марсель, намного больше ее самой. Он был одним из тех фанатиков, благодаря которым их действительно можно было принять за секту.

Клинта передернуло, когда перед глазами стал встал образ парня, с восхищением смотрящего на его «смерть». Он присутствовал на той операции, хотя мальчик вспомнил об этом только сейчас. Лорент заморожено наблюдал, словно просто смотрел представление. Даже смерть главного идеолога он воспринял лишь как яркий финал интересной книги. Клинт не мог знать, что с ним стало после, но почему-то всегда думал, что его казнили, как и остальных. Лайман не зря потратил много сил и времени на то, чтобы найти засекреченные архивы о их смерти. Но о Лоренте он и не вспомнил. Еще одно высокомерное упущение.

- Ты знал его, да? – спросил Мартис прямо в лоб.

Клинту даже на секунду показалось, что мужчине неловко задавать подобные вопросы. Но было бы лестно подумать, что журналист может быть неловко из-за такого, как он.

- Ему тогда было чуть больше двадцати. Сейчас...уже около шестидесяти, выходит, - мальчик не поддельно удивился, сложив все цифры.

После сразу пришло осознание своего возраста...и своей ошибки.

- И все эти люди ему подчиняются? – шумно выдохнула Амелия. – Господи. Еще один.

- В любом случае, зачем нам ехать к нему? Я понимаю, что выбор невелик, но ты придумал, как выкручиваться потом? – спросила Маргарет.

- Ну, сейчас нас везут именно туда, куда нам надо – к ратуше, как сказал Клинт, - по привычке пожал плечами Оливер, поудобнее располагаясь на

металлическом сидении. - Когда я попросил об этом у водителя, он усмехнулся. Было видно, что нас туда и везли. И какой бы цирк они тут не строили, нас бы и так, и так привезли к Лоренту. Вот насколько глубоко он успел пустить свои корни. Это уже не просто идеолог с обещаниями. У него есть реальная власть.

- Но почему...? – начал Мартис, но мужчина с наслаждением его перебил.

Ему нравилось чувствовать себя главным.

- Сначала я просто хотел показать водителю, что главные здесь мы, сбить с толку. Но по его реакции понял, куда нас везут. А тут ничего удивительного и нет. Лорент наверняка восхищался Клинтом раньше. Где бы еще он был, как не в том же месте, где его объект поклонения. Все эти знаки – Женева, ратуша, заговор – так отдают запахом прошлых «свершений».

Оливер ждал следующего вопроса, но никто больше не хотел чувствовать себя глупых несмышлёным ребенком и удовлетворять его самолюбие. Каждый прекрасно понимал, что не доверяет ему.

До Женевы было около четырех часов пути так что в конце концов Маргарет устало потянулась и, сняв неудобную обувь, начала разминать больную ногу. Мартис то и дело хватался за голову. Сам Клинт инстинктивно потрогал повязку на руке. Рана его не сильно беспокоила, а вот помощь Амелии ввела в смятение. Ненависть трудно променять на заботу. А в этой ситуации – просто невозможно.

Всех уже знатно потрепало. Они были грязными, голодными и ужасно уставшими. Но не похоже, что у них будет время передохнуть в комфортабельном отеле. Так что все решили воспользоваться моментом: Амелия задремала сидя, видно привыкшая к такому; Маргарет закинула ноги на сидение, а Оливер почти полностью разлегся, облокотившись на стену. Мартис не мог сидеть спокойно, скорее всего из-за боли в голове. Клинт думал о Лоренте.

Где-то через час под дружное урчание животов Оливер все уже уговорил водителя остановиться у ближайшего магазина и купить чего-нибудь на перекус. За импровизированным завтраком Оливер вдруг начал рассказывать о своем путешествии в Аргентину: о вкусных обедах, красивом океане и шикарных девушках. К обсуждению присоединилась Маргарет, у которой, судя по всему, нынешние родители работали в Америке. Мартис, оказалось, был в нескольких командировках в Бразилии. Амелия угрюмо поддакивала разговору, но вряд ли когда-либо выезжала из страны. Все это походило на дружескую беседу старых приятелей, встретившихся после долгих разлуки. Это было теплое чувство, которого Клинт не ощущал до этого момента, даже рожденный в семье прекрасной молодой пары. Им он врал, продолжая тем самым свое ужасное прошлое. Сейчас же мальчик был откровенен. И впервые почувствовал, что Клинта в нем становится больше, чем себя прежнего.

- Клинт, - окликнул его Оливер, вырвав из приятной теплоты. - А ты бывал в Америке? Или не успел? Хотел напоследок оставить? Почему вообще начал со Швейцарии, Женевы? – мальчика бросило в холодный пот.

Он никогда не пытался строить из себя невинного и тем более невинного, но все этот вопрос, позвучавший в веселой беседе, разрушил то единственное, что им стоило сохранить.

- Нет какой-то причины, - Клинт не хотел лукавить, но, к сожалению, неплохо научился это делать.

- О, она определённо есть, - Оливер подсел поближе, продолжая жевать бутерброд. Все знали, какое представление он затеял. - Что-то этот город для тебя значит. Можно ведь было начать все в Париже. А, ну да, - усмехнулся мужчина, словно мысль пришла к нему лишь секунду назад. - Это была не твоя идея. Все было ради нее. Ради девушки, да?

- Марсель, - сказала Маргарет. - Поверь мне, ты не открыл планету. Всем этим карнавалом с самого начала управляла женщина. Хотя я и готов признать это только сам ей став.

Клинт помедлил, взвешивая свой ответ. На одну чашу весов он ставил себя, а на другую остаток «чувств» к Марсель.

- Женева. Так звали ее мать, которая бросила Марсель и уехала неизвестно куда.

- Оу, - только и смог восторженно выдать Оливер. - И все-таки я считаю, что Аргентина поинтереснее Бразилии. Да и попрохладнее. Не люблю холод, - он тут же сменил тему, словно слова Клинта и вовсе ничего не значили.

Раньше мальчик бы никогда не смог описать, как относился к Марсель. Но сейчас в нем накопилось достаточно различных эмоций, чтобы понять - она наводила на него восхищающий ужас. Своей бесшабашностью, отсутствием границ и предрассудков. В какой-то ужасающей степени она была идеальна: свободная от стереотипов, мнения общества, расизма и межгосударственных границ. Ей нравилось в этом мире все, поэтому она и хотела завладеть им полностью. Правда она совершенно не различала понятия «защитить» и «уничтожить», так что делала все вместе.

- Давай я сменю, - прошептала Амелия спустя некоторое время, указывая на повязки.

Все кроме них и Мартиса, наблюдавшего за дорогой через сетку, задремали. Клинт кивнул и подставил руку. Женщины снова пришлось пустить свою одежду в расход, так как она легче всего рвалась. К счастью, рукава у кофты были достаточно длинными.

- Зачем ты...? - он не нашелся, что сказать.

Она лишь шикнула и, закончив, быстро отвернулась, словно этого момента и не было. Возможно, ей действительно жаль того мальчишку, чьим телом он завладел. В конце концов, женщина упорно ждала, когда его сознание переместится в другое тело, чтобы не травмировать ребенка. Скорее всего, Амелия понимала, что все может пойти не по плану. Никто никогда не проводил таких операций. Даже сам Клинт, делавший это в теории, не мог отвечать за результат. Осталось ли в этом теле нетронутое его мыслями сознание? Сможет ли ребенок нормально существовать после? А, может, Клинта Лаймана уже и вовсе не существует, и все это не имеет смысла.

И все же сейчас, пусть и ненадолго, он чувствовал себя счастливым.

[Леон Мартис]

Голова раскалывалась даже спустя три часа езды. Он пытался сосредоточиться на дороге, но через какое-то время она начинала плыть перед глазами. Ледяные металл не давал удобно устроится. Удивительно, как остальные могли спокойно сидеть или спать.

«Да уж, разнежился я на домашней кровати» - мечтательно подумал он.

- Сколько еще ехать, не подскажите? – попытался максимально вежливо выдать из себя мужчину.

Военные его проигнорировали. Тогда Мартис начал по-детски их донимать, дергая за сетку и повторяя свой вопрос каждые пять секунд. Но все попытки остались безуспешными. Журналисту пришлось прекратить и положиться только на свои часы, показывающие девять пятнадцать.

В следующий раз, когда он взглянул на часы, они показали уже десять пятьдесят семь, и Мартис резко подскочил, чуть снова не ударившись головой. Ему удалось уснуть почти на два часа. Хотя сон и не прогнал головную боль, он все же дал хоть небольшой заряд бодрости.

Раздался звонок телефона, разбудивший все, кто еще спал. Водитель взял трубку и надолго замолчал, скорее всего выслушивая указания. Все насторожились.

- Понял, - угрюмо сказал водитель, передавая телефон соседу.

Тот тоже оказался не многословен и ограничился лишь коротким «ясно». Потом эти двое многозначительно переглянулись, и грузовик резко свернул влево, снова перемешав всех пассажиров кузова.

- Эй, куда мы? – тут же поинтересовался Оливер.

- Сидите тихо, - был ответ.

Но мужчина уже напрягся, и было видно, как вздулась вена у него на лбу. Он повторил вопрос медленно.

- Поедем по другой дороге, она короче, - сказал ему человек, сидящий на пассажирском.

- Об этом вы так долго говорили по телефону?

- Не твое дело.

- Мы очень важн...

Военный громко стукнул по задней стенке и злобно процедил сквозь зубы:

- Важны вы или бесполезны - решать Лоренту. А он сейчас едет выступать в Новый Дворец Наций. Так что там и встретитесь.

- Это же одно из главных зданий Европы, - воскликнул Клинт. – Я разве...оно разве не было полностью разрушено?

- А то, - усмехнулся водитель. – Стерто в пыль. Там ведь заложили десяток бомб. Но Лорент восстановил его всего за два десятка лет, сказал, что связь с другими странами нам сейчас особенно необходима. Так что здание сейчас намного больше и красивее, чем было.

Мартис наблюдал, как мальчик побледнел и мог лишь догадываться, что происходило в его голове. Клинт дернулся было за блокнотом, но потом почему-то замер и вернулся в исходную позу. Его лицо исказил ужас, от которого у мужчины пробежали мурашки.

«Вряд ли Лорент святой или добродетель, если у своего же примера для подражания вызывает такие эмоции» - обдумал эту ситуацию журналист, а потом перевел взгляд на Оливера, состояние которого тоже заставляло усомниться в его здравости.

- Но как далеко дворец от главной ратуши? – поинтересовалась Маргарет.

- Это неважно, - обратился к ней Оливер, меняясь в лице. – В Новом Дворце сосредоточено огромное количество иностранных посольств. Не так много, как раньше, из-за сильной изоляции страны, но достаточно, чтобы зданию обеспечили самую современную систему защиты. Зайдем туда – не то, что ратуша, нам свобода вряд ли светит.

Глядя, как их лидер переживает, остальных тоже охватило смятение.

Машины подъехали к Дворцу в половине одиннадцатого. Солнце светила очень ярко, заставляя щуриться при выходе из грузовика. Какое-то время стояли, наслаждаясь погожим днем. Потом же к ним подошли с наручниками в руках.

- Это необязательно, - достаточно строго сказал Оливер, неспособный смириться с утратой главенствующего положения.

Когда же военные приблизились на достаточное расстояние, мужчина без всякого предупреждения или сигнала, толкнул стоявшую сбоку женщину и сломя голову побежал в противоположном направлении. Маргарет не растерялась и рванула в другую сторону. Клинт, завороженный огромными масштабами Нового Дворца Наций, остался стоять с протянутыми руками. Мартис с Амелией мимолетно переглянулись и тоже не сдвинулись с места. Через какое-то время вернули и двоих беглецов, еще сильнее хромающую Маргарет и Оливера со свежим фингалом. Он буквально плевал ядом с сторону военных, говоря, что они поплатятся.

В этот момент загадочность мужчины как-то даже перестала волновать Мартиса. Он увидел в нем человека, который в действительности никакой власти не имел и так же боролся со своими демонами.

На всех надели наручники и провели через пять или шесть металлодетекторов еще до того, как они вошли в здание. Потом их передали в руки местной охране. Как журналист, Мартис не мог нарадоваться своей удаче – людям его профессии нечасто удавалось даже пройти рядом с этим местом. Но вот как заключенному, ему было не сильно радостно. Мартису впервые довелось видеть такое количество охраны, да и людей в принципе. Они толпились, пихались и буквально дышали телами друг друга. Во всех огромном холле было не продохнуть. Их вели самыми малолюдными путями, и все же мужчина едва не потерял сознание от нехватки воздуха. Стоял нескончаемый гул голосов, который сливался в один и ревел имя – Лорент. Мартис не мог припомнить ничего страшнее ни за последние два дня, ни за всю жизнь - насколько фанатичным было это зрелище.

Они поднялись по лестнице, и охранники ввели их в огромный зал, размерами напоминающий театральный. Тут людей было еще больше, хоть это и

казалось невозможным. Мест не хватило и половине, а те, у кого они были, все равно то и дело вскакивали и что-то выкрикивали. Сцена была обустроена микрофоном, несколькими колонками и парой красных штор.

С трудом пропихиваясь через тела, Мартис и остальные максимально приблизились к сцене с левого боку, чуть не заходя на ступеньки сцены. Дальше они не двигались.

- Будете ждать здесь, - прокричала им охрана.

Все вяло кивнули, не сильно радуясь местной атмосфере. Переговорить тоже было достаточно проблематично. В итоге оставалось лишь ждать «судного часа».

Двадцать минут показались мужчине вечностью. Вся его одежда была насквозь мокрая, пот заливал глаза, в ушах стоял звон. Краем глаза Мартис заметил, что кто-то занавешивает окна. Наконец, в кромешной темноте зажегся прожектор, направленный в центр сцены.

«Как драматично» - усмехнулся журналист, позволяя своему внутреннему скептику ненадолго выйти и немного расслабиться.

Зал стих. Какое-то время ничего не происходило. А потом на сцену вышел мальчик лет девяти-десяти и подошел к микрофону. Народ взревел.

«Да он еще младше Клинта» - ошарашенно подумал Мартис и перевел взгляд на мальчика рядом. Тот был блее полотна и, наверняка, думал о том же. «Не может быть, не может быть» - шептали их губы в унисон. Но когда ребенок на сцене поднял руку, призывая к тишине, а затем, едва касаясь губами микрофона, начал говорить, и Мартис, и Клинт поняли, что не ошиблись.

- Здравствуйте, друзья. Меня зовут Лорент.

[Маргарет Авельсон]

Девушка покосилась на сцену и лишь слегка выгнутой бровью выдала свое удивление.

- Если это шутка, то не очень смешная, - сказала Маргарет, и на нее тут же шикнул охранник.

Ей вспомнилась, как совсем недавно они с Клинтом стояли так же, вот только восхищения это ни у кого не вызывало. А здесь народ с благоговением ловил каждое слово маленького мальчика:

- Сегодня нас еще больше, чем вчера. Боюсь, скоро придется перебираться в здание побольше, - он по-детски невинно усмехнулся.

Зал загоготал, и Маргарет пришлось закрыть уши. Учítывая, что вряд ли в городе есть здание больше, это намек на нечто большее. Насколько же широка эта паутина?

- Сегодня я в очередной раз собрал всех вас, чтобы сообщить радостную новость. У нас появился достаточно влиятельный спонсор, чтобы наконец сдвинуть наши исследования с мертвой точки! - снова крики и аплодисменты. Лоренту пришлось призвать к тишине. - В честь этого я предлагаю зачитать одну из моих любимых частей «Пятого дневника».

Из-за кулис мальчику мигом вынесли потрепанную кожаную книжку с наполовину оторванной обложкой и желтыми страницами. Взяв ее в руки, Лорент прошелся по разноцветным закладкам и, открыв на нужной странице, начал в полголоса цитировать:

- «Пятое февраля тысяча девятьсот девяносто третьего. Я не писал уже около месяца, потому что та обыденность, которая происходила со мной, не заслуживает быть записанной. Но сегодня я понял, что этот мир нужно изменить...»

Маргарет почувствовала, как рядом дернулся Клинт. Он попытался вырваться и сбежать. Его глаза широко распахнулись от ужаса, и на секунду девушка увидела в них шестьдесят лет жизни, которую он хотел забыть. И она поняла, что сейчас происходило.

- «...Возможно, это произойдет не сегодня, но мир будет гореть. И это ощутит на себе каждый. Даже я буду способен *почувствовать* это...»

Охранник встряхнул Клинта, приводя его в чувства. Мартис тоже попытался освободиться, но в такой толкучке рвануть куда-то было просто невозможно. Маргарет даже не пыталась. К тому же она не скрывала, что ей интересно послушать речи, которым Лорент так завораживает людей. Она никак не относилась к Клинту – ни ненависти, ни любви. И все-таки в этот момент девушке, казалось, наконец удалось узнать того человека, каким мальчик был раньше, того, что стремился разрушить мир.

- «Уверен, существуют люди, которым под силу повернуть колесо истории. Я буду ждать, сколько нужно», - Лорент на время замолчал. – Как мы знаем, он познакомился с Марсель аж через шестнадцать лет. Все это время он усердно трудился в научной сфере, и к моменту их знакомства подготовка к войне уже была выполнена на семьдесят процентов. Оставалось лишь поджечь фитиль бомбы.

Все как замороженные заплотировали. Когда все стихло, Маргарет все же решилась на диалог:

- Эй! – не до конца продумав, что хочет сказать, крикнула она в устоявшейся тишине: -Эй, вы! Да-да, это я кричала, - обратилась она к откликнувшемуся мальчику. Тот отчего-то занервничал. – Вы хотите сказать, что одобряете все то, что произошло на войне?

Охранник вцепился ей в плече, и попытался закрыть рот, но девушка вырвалась, еще сильнее приблизившись к сцене. Лорент какое-то время не отвечал, но потом очень живо начал пояснять:

- Ни в коем случае! Мы против бессмысленного насилия. Только мир для нас всех. Вечная жизнь в гармонии. А это..., - он поднял блокнот над головой, - начало! Мы породил новый взрыв Бетельгейзе! Только на этот раз он произойдет изнутри!

Зал снова загудел, и Маргарет поняла, что этот диалог ни к чему не приведет, и надо отсюда выбираться. В этот момент Оливер приблизился губами к ее уху и прошептал: «Блокнот». Девушка повернулась к нему и с минуту внимательно рассматривала его лицо, а потом чуть ли не вскрикнула:

- Блокнот!

Если у Лорента есть одна книга с записями Клинта, то скорее всего есть и остальные. Он знал, где находится тайное хранилище и опустошил его. Они там, где надо!

Клинт, правда, их восторга совершенно не разделял. Он стоял, опустив голову и что-то бормоча себе под нос. Скорее всего, записывать такое у него рука не поднялась. Мартис стоял, как вкопанный, видно не зная, броситься на мальчика с кулаками или попытаться сбежать. Про себя Авельсон отметила, что теперь он не кажется таким спокойным журналистом, которому только и нужно, что разворот в газете. Амелия была напугана. В конце концов, даже спустя столько лет в этой жизни, она все еще оставалась маленькой девочкой из прошлой.

Выступление закончилась почти сразу. Мальчик поспешно назначил дату следующей встречи и быстро удалился. Люди тоже стали активно расходиться, возвращаясь к своим привычным делам, словно ничего и не было. Только сейчас девушке удалось получше рассмотреть тех, кто здесь собрался, и она с удивлением отметила, что большинство выглядят достаточно бедно. Конечно, много было и людей в роскошных платьях и костюмах, которым наверняка было плевать на все, кроме вечной жизни. Но все же многие были едва ли среднего достатка. Сложно сказать, показателем чего это было.

Маргарет сама не понимала, как к этому относиться. Пока их вели по длинному коридору глубоко в закулисы, она размышляла, так ли страшно то, что Лорент предлагает. Вечная жизнь. В обмен на что? На еще не сформировавшееся сознание? Много ли надо отдать человечности, чтобы пойти на такое? Вряд ли всю. В конце концов, все люди эгоцентристы. Авельсон неважно, что будет после ее смерти. «Останется ли что-то от самой Маргарет» – этот вопрос ее сознание игнорировало.

[Леон Мартис]

- Входите, - раздалось за дверью, после едва слышного стука охранника.

Они вошли некое подобие театральной гримерки, только более прибранной и просторной, чем это обычно бывает. Никаких декораций и одежды, здесь не ставили костюмированных спектаклей (по крайней мере одежда и грим актеру были не нужны). По бокам от двери стояла пара диванов, в другом конце комнаты – еще одна металлическая дверь и стол, за которым и сидел Лорент.

- Оставьте нас. Я уже слышал отчет, - его голос звучал выше, чем на сцене.

Охранники наконец выпустили всех из своей мертвой хватки и поспешно удалились.

- И так, я слышал, что у вас что-то есть для меня.

В этот раз лидирующую позицию в диалоге принял Клинт, сразу выскочив вперед:

- Как тебе удалось переродиться? – он тяжело дышал, чуть ли не падая в обморок.

- А кто спрашивает? – слегка неуверенно произнес мальчик, косясь на дверь.

Тут-то Мартис и заподозрил неладное. Он встал на одну линию с Клинтом и инстинктивно положил ему руку на плечо, прося замолчать.

- Ты ведь...не Лорент, верно?

Мальчик за столом так и подпрыгнул. Журналист заподозрил это еще в зале, смотря, как медленно и четко ребенок произносил слова. Заученный текст! А ответ на вопрос Маргарет? Да он же очевидно растерялся. Да, интеллекта и смекалки ему было для своего возраста не занимать, но на длительные дискуссии он пока не натренирован.

«Лорент» замешкался и стал оглядываться по сторонам, словно в комнате был кто-то еще. И тогда стало понятно, что находится за железной дверью.

- Так мы все-таки поговорим? – наконец заговорил Оливер.

- Удивлен, - раздался голос из-за приоткрывшей двери. – Приятно.

Сначала показался живот, за которым выглянуло и оставшееся тело. Это уже был далеко не ребенок, а мужчина за шестьдесят с выкрашенными в ярко-рыжий волосами. Морщины расползлись по его лицу намного раньше, чем должны были. Он усмехался, словно все это было забавной игрой.

- Простите уж за спектакль. Образ, сами понимаете, - он легким движением согнал мальчика, и сам уселся за стол. – Итак, кто же из вас тот самый ценный перерожденный?

Но прежде, чем кто-то успел ответить, Амелия сорвалась с места и подбежала к ребенку, хватая его за плечи:

- Ты в порядке? Тебе угрожают? Как тебя зовут? Кто твои родители? — спросила она.

Но мальчик молчал, бросая вопрошающие взгляды на настоящего Лорента.

- Не докучай ему. Его имя Лорент, а его родитель я. Он был рожден ради великой цели.

- Р-ради...какой еще цели? – гневно выкрикнула Амелия, злобно уставившись на мужчину.

Одно мгновение отделяло ее кулак от его лица, но Клинт поспешил вмешаться, осознав ситуацию:

- Технология CRISPR, - не сильно удивляясь произнес он, а потом поспешно пояснил: - Манипуляция с ДНК. Похоже, он ускорил развитие мальчика, создав...идеальную куклу.

Лорент удивленно выгнул бровь, а потом рассмеялся.

- А ты, парень, не промах. Много об этом знаешь?

- Написал несколько диссертаций, опровергающий целесообразность этой технологии. Бесполезная вещь.

- Но я ведь нашел ей полезное применение, - опять усмехнулся мужчина, а потом замер и снова осмотрел мальчика с ног до головы. – «Я написал несколько диссертация, опровергающий целесообразность CRISPR. Бесполезная вещь. Но меня не послушали...» - процитировал Лорент по памяти.

- Помнишь все наизусть? Ну и жуть, - Мартиса передернуло.

Но Лорент уже не слушал. Он поднялся на ноги, и не произнося ни слова, подошел к Клинту. Журналист инстинктивно захотел загородить мальчика, но сдержался.

- Т-ты...,- по лицу мужчины сложно было понять его мысли. Его рот открывался и закрывался, произнося какие-то нечленораздельные звуки. Наконец он собрался с мыслями и произнес: - Ты – Он!

- Да, - угрюмо бросил Клинт, явно прибывая не в восторге от встречи с фанатом.

- Неужели...тогда...У вас вышло? У нас вышло! – его восхищению, казалось, не было предела. – Я думал, что память была утрачена, ведь не было никаких признаков стороннего сознания.

- Просто понадобилось больше времени.

Лорент буквально готов был выпрыгнуть из штанов. В какой-то момент он подозрительно прищурился, прикидывая, стоит ли всему этому верить. Сколько бы ему не было на вид, внутри него сидел маленький ребенок.

- Докажи! Скажи еще что-нибудь. То, чего не в дневниках.

Клинт скривился, видно, не желая иметь в этом какое-то отношение, но все же, подумав, произнес:

- Операционный стол, на который меня тогда положили, был с явным надколом, что некоторых очень напрягало в ходе эксперимента.

Мужчина так и взвыл, сжимая Клинта в объятиях. Со стороны это выглядело не менее противно, чем, наверняка, было в эпицентре. Мартис отвел взгляд в сторону, предпочитая сосредоточиться с безвкусной картине какой-то дамы на стене.

- Прошу, просто отдайте нам записи! – наконец не выдержала Маргарет, стоящая в конце.

- Записи? – откликнулся Лорент, отпуская мертвенно-бледного мальчика. – Какие?

- Где я описал процесс отделения памяти о тела, - пояснил Клинт, отходя подальше.

- Ах, это. Я выучил их наизусть, так что можете забирать, - мужчина махнул рукой так, будто это был ненужный мусор.

Все так и замерли, не веря своим ушам.

- Можно...забрать? – эхом сказала Маргарет.

- Да, без проблем. Я все равно планировал их распространять рано или поздно. У меня множество копий.

Мартиса передернуло от мысли, что миллионы людей могут сотворить с этой информацией.

- Как только мы объединимся, для нас вообще не останется преград. Только возможности!

Все ошарашенно замерли, пытаясь обдумать сказанное.

- Мы не планируем к этому присоединяться, - выпалила быстро Маргарет. - Нам до всего этого нет дела. Отдайте записи, и мы уйдем.

Журналист ошарашенно уставился на нее, Амелия тоже. Клинт выразил свое потрясение одним взглядом.

- Что? Не останетесь? —раздосадовано произнес Лорент. - Как же так? Нет, вы точно должны остаться, - обратился он непосредственно к Клинту. - Иначе зачем вам записи?

Журналист почувствовал напряжение в его голосе. Сейчас ситуация может разыграться не в их пользу. Хотя они уже давно во власти врага.

- Я останусь, - уверенно ответил мальчик с без эмоциональным выражением лица.

- Что?! - теперь удивилась Маргарет. - Что значит «останусь»? Ты забыл, какая у нас цель? Хочешь участвовать во всем этом ци...событии?

Лайман лишь кратко кивнул и отвел взгляд в сторону. Мартис какое-то время ничего не понимал, но заметив это движение, тут же просиял.

- Я тоже останусь! - почти радостно крикнул мужчина.

Маргарет бросила на него скептический взгляд, но ничего не сказала. Но когда и Амелия решила остаться, она заголосила:

- Что с вами такое? Хотите предать все, ради чего мы сюда прибыли?! Да на нас живого места нет! Вы все готовы были идти ради цели до конца и вдруг остановились на середине?!

«Она не понимает. Точнее не хочет понимать. Ее с самого начала интересовала только операция», - с грустью подумал журналист. - «Но нам нужно остаться здесь, иначе кто остановит этот ужас? В конце концов, остаться в стороне от такой сенсации не может позволить себе ни один уважаемый журналист»

- Я согласен с Маргарет, - выступил Оливер. - Мы наметили цель, так что давайте двигаться вместе до конца, - он осмотрел присутствующих. - Или двигаться по отдельности.

Это было то, о чем подумал каждый, но сказал лишь один. То, что держало незнакомцев вместе, оказалось так легко разрушить.

- Ну, тогда пусть будет так. Я забираю записи и ухожу. Оливер, ты со мной? - девушка была в ярости.

- Да, почему бы и нет, - так привычно усмехнулся мужчина.

[Маргарет Авельсон]

Лорент без задней мысли, но с явным любопытством протянул им потрепанную книжку с записями. Когда они собрались уходить, он все же спросил:

- Так вы тоже перерожденные?

Прежде, чем они успели ответить, Клинт крикнул:

- Нет! Только я. Они просто исследуют этот феномен. К тому же они с радостью распространят эти записи, верно?

- Верно, - улыбнулся Оливер и вывел Маргарет за дверь, не дав ей даже ни с кем попрощаться.

Хотя она вряд ли хотела. В глубине души девушка знала, почему остальные остались. И ненавидела их за то, что они заставляли ее ненавидеть себя. «Да, я эгоистка. Но никто из них не понимает, каково мне». Она посмотрела на идущего рядом Оливер, опасаясь того, что он задумал теперь.

Все внутри сжалось, когда они проходили мимо охранников, но те не выказали ни капли интереса. Девушке даже показалось это немного обидным, учитывая, как они гнались за ней у входа. Все тело ужасно ломило и так хотелось принять ванну и перекусить.

- Мы возвращаемся? – спросила Авельсон, когда они миновали все досмотры и вышли на улицу.

- Да, - задумчиво ответил Оливер. – Только сначала предлагаю заглянуть кое-куда, - на вопросительный взгляд своей спутницы он сказал лишь: - Это ненадолго.

[Амелия Риксли]

Женщина внимательно изучала свои туфли, пока Клинт и Лорент что-то живо обсуждали. Мартис стоял в другом конце комнаты, прибывая в собственных мыслях. Внутри было непонятное чувство потерянности. Она чувствовала, что ошиблась, но еще не понимала, в чем точно – в доверии Маргарет прежде или доверии Мартису сейчас. Для нее не было сложным решение разделить. Подсознательно это было известно с самого начала. Маргарет слишком ярко шла к цели, не видя препятствий. И только Амелия была слишком наивна, чтобы испытать некое чувство близости. Авельсон даже не была женщиной в том смысле. Но почему-то Риксли захотелось стать с ней подругами. Лишь на секунду Амелия засомневалась в своем выборе. Но у нее тоже есть цель. И это не перерождение, а нечто похуже. Убийство. Так что тут нет места дружбе.

- Амелия? – она не заметила, как Мартис подошел. – Пойдем. Лорент покажет наши комнаты.

Их отвели на второй этаж, где среди бесконечного количества комнат им выделили три близко друг от друга. Лорент зашел в комнату вместе с Клинтом, предоставив Мартиса и Амелию самим себе. Они многозначно переглянулись и разошлись.

Внутри пахло ново и дорого. Такие комнаты женщине довелось видеть лишь в фильмах: ковровое покрытие, позолоченные обои, огромная двуспальная кровать с комодом, выход на балкон и персональная ванная. О таком она могла лишь мечтать. И все-таки ее одолевали страж и одиночество. После того короткого времени, что женщина провела в непосредственной близости с другими людьми, она уже не могла спокойно дышать одиночеством, хоть и таким роскошным. Как будто не хватало чужого дыхания в воздухе.

Поэтому наспех приняв ванную и накинув халат, она вышла в коридор и постучала в дверь Мартиса. Тот тут же открыл ее, словно только и ждал этого. Они неловко переглянулись и зашли в комнату.

- И что теперь? – спросила женщина, когда они сели на кровать.
- Сам не знаю. Как Клинт решит.
- Почему вы встали на его сторону?
- Выбираю из двух зол, так сказать. Лорента нужно остановить. Я не то чтобы герой и борец за миропорядок, но когда такое разворачивается у тебя под носом, можно ли идти на попятную? Если уж и писать статью, то знаменуя победу, а не проигрыш.
- Вы и у себя в голове вечно используете эту отговорку со статьей? – усмехнулась Амелия.

Пожалуй, это был ее первый по-настоящему искренний смех за многие годы.

- Почему же отговорку. Как это все закончится, я обязательно напишу эту чертову статью. Хотя думается, что сюжета не меньше, чем на книгу.
- Ты не напишешь и строчки, - дерзко заявила женщина, непроизвольно перейдя на «ты».
- Это будет роман! Не меньше!

Они еще долго спорили не о чем, наслаждаясь звуком чужого голоса.

В дверь постучали уже после обеда (который был любезно доставлен прямо в номер). Это был Клинт. Но, к сожалению, все еще не один. Лорент, казалось, не отлипал от него ни на минуту. И было видно, что мальчик уже на последнем издыхании.

- Ах, вы бы знали, как я мечтал об этом моменте. Об этих разговорах, - мужчина все лепетал и лепетал, чуть не брызжа слюной.
- Я бы хотел переговорить со своими спутниками, - наконец выдавил из себя Клинт. – Наедине.

Это было слишком прямо. Амелия сразу почувствовала, как помрачнел Лорент. И такие моменты, как правило, никто лучше женщин не сглаживает.

- На самом деле, нам есть, что обсудить всем вместе, - мягко начала она, приглашая всех пройти к столу в комнате. – Это касается записей Клинта. Он ведь сказал, что продолжает их вести? – женщина наивно похлопала глазками, что, наверняка, ужасно выглядело на ее лице.

Лорент удивленно приподнял бровь и, казалось, впервые обратил на Амелию должное внимание. Мартис с Клинтом тоже заинтересованно уставились на нее. «Не только мужчины могут придумывать планы» - довольно заключила женщина про себя.

- Да-да, он продолжает вести записи. Уверена, что вашим последователям будет интересно послушать. Это прибавит им веры в перерождение.

Она ходила по тонкому льду. Хорошо бы было сначала обсудить эту идею всей компанией, но времени не оставалось. Если ждать дольше, могут появиться непредвиденные обстоятельства. Остается лишь надеяться, что Лорент заглотит наживку.

- Ну, это прекрасная идея, - мужчина произнес это неуверенно. - Могу ли я сначала ознакомиться с записями?

Лорент не был дураком, чтобы впускать в умы людей неизученный материал, будь он хоть передан самим Господом Богом лично.

- Конечно! - наигранное восхищение. - Клинт, ты ведь не против?

Она видела, как мальчик побелел, и его губы нервно затряслись. Амелия могла бы подать ему незаметный знак, но это было бы слишком опасно. Хотя, признаться честно, женщина просто наслаждалась его беспомощностью.

Лайман с замиранием сердца вытащил свою записную книжку, которая теперь хранила не только его жизнь, но смерть. Как только Лорент прочтет записи, он поймет, что Клинт уже совсем не заинтересован в бессмертии. Но если очень постараться, то до этого не дойдет.

- В таком случае, я, пожалуй, уединюсь, - довольный, произнес мужчина, вставая со стула только на него усевшись. - Уверен, меня ждет лучшее вечернее чтение в жизни. Я лишь слегка отредактирую, и мы уже на завтрашнем собрании - оно, кстати, начнется ровно в девять - сможешь представить новую часть, - он непроизвольно переходил на крик. У самой двери Лорент спросил: - Это единственный? - указывая на блокнот.

- Да, - удрученно ответил Клинт. - Я начал его вести лишь несколько лет назад. На этот раз более тщательно отбираю информацию для записей.

- Восхитительно! - только и выпалил мужчина, слушая уже в пол уха. - Восхитительно! - раздалось за дверью.

- Ну, по крайней мере он отстал от тебя, - попыталась скрасить неловкость Амелия.

Две пары глаз пылливо уставились на нее, не скрывая страха и злости. Пришлось все объяснять.

[Маргарет Авельсон]

Оливер купил два билета на самолет, совершенно ничего не объясняя. Он даже слова не произнес с тех пор, как они сели в автобус на ближайшей остановке. У Маргарет непроизвольно все внутри сжалось, когда они залезли в машину, так похожую на ту, в которой они ехали только вчера. В воздухе словно запахло кровью.

Девушка непроизвольно потерла синяк на ноге. Тот отозвался болью. Как и остальные.

- Куда мы летим? - раздраженно спросила Авельсон, когда они сели в зале ожидания.

Оливер лишь усмехнулся, что ее только сильнее разозлило. Она даже не могла поговорить с ним по-мужски - врезать хотя бы пару раз. Хрупкое девичье тело и без того не отличалось силой, а сейчас оно просто отказывалось слушаться. Девушка сняла ненавистные ботинки, которые стерли кожу до крови, расстегнула ремень и пуговицы на джинсах, и наконец облегченно выдохнула.

- Ни грамма женственности, - констатировал ее спутник.

- Ох, мы теперь разговариваем? – язвительно заметила девушка. Чуть выждав паузу, она сказала: - А есть смысл стараться? Скоро я наконец избавлюсь от этого тела.

- Не боишься смерти?

Маргарет фыркнула.

- Так луч...так проще.

- А если не выйдет?

Девушка тут же напряглась. Она непроизвольно вытянула шею и убийственным взглядом взглянула на Оливера.

- То есть? – ее взгляд упал на сумку, куда мужчина положил записи. – Хочешь сказать, записи не...

- Они подлинные. Там точно все описано. Но нельзя ведь исключать неудачу?

- Плевать. Не хочу думать о завтрашнем дне.

На этом они закончили. Их не сильно тяготило молчание, потому что ни друзьями, ни приятелями становиться не собирались. Ее не волновали его скрытые мотивы, так что и ему не должно быть дела до ее чувств.

После утомительного ожидания их наконец сопроводили в гостевую комнату, где можно было принять душ, переодеться и наконец поспать на нормально кровати.

- Сколько они выделили денег? – присвистывая спросила Маргарет, осматривая их номер.

- Они отнюдь не богачи, так что все, начиная с билетов до Лихтенштейна, я оплачиваю сам.

Девушка лишь пожала плечами. Будь он хоть самый известный грабитель с миллиардами долларов на счету, ее это не волновало. Она наконец дорвалась до горячего душа и аптечки, способных хоть немного облегчить положение. Завтра утром они улетят, и Маргарет скорее всего никогда уже не увидит никого из этой странной шайки. Да, немного жаль. Но никто из них не хотел по-настоящему переродиться. Даже Клинт, чьи грехи в разы превышают ее, почему-то еще держался за эту жизнь.

Была только середина дня. Оливер куда-то ушел. А Маргарет так и осталась лежать в номере, думая о чем-то не сильно серьезном. Потом она долго смотрела телевизор. А затем, не помня, когда, провалилась в сон.

- Отдай мне билет, - требовательно произнесла девушка.

Но Оливер ее проигнорировал. Они стояли в очереди на паспортный контроль и ссорились. Хотя ссора была односторонней.

- Я ведь все равно узнаю, когда мы подойдем к выходу!

Со стороны они, наверное, были похожи на заигрывающую пару. Но Маргарет предпочитала об этом не думать. Ее все больше настораживал их маршрут. Она прекрасно понимала, что через Австрию им теперь путь заказан, а

прямого самолета в Венгрию сейчас попросту не существует. Швейцария позволяла ряд ограниченных авиаперелетов в соседние страны и несколько в Америку и Англию. И то, на такие перелеты требовалось особо разрешение. Предпочтительней всего, двигаться обратно тем же путем, что и в страну.

Но Оливер молчал до последнего, словно не оставляя ей выхода. У девушки не было ни связей, ни денег, даже записи пришлось отдать. Возможно, позвони она родителям, они бы выслали необходимые средства, но Маргарет никогда этого не сделает. Эти люди достаточно терпели ее странные выходки.

- Цель вашего полета? – раздался голос.

И Авельсон даже не могла спросить, куда летит, ведь тогда бы ее никуда не пустили. Но что ей отвечать?

- Мы летим посмотреть на Лорентийский замок, - сказал Оливер, стоящий рядом.

«Что это? Где это?» - крутилось в голове. А потом наступило понимание того, насколько глубоко забрался Лорент. И насколько много существует эгоистов, способных пренебречь будущими поколениями. Таких же, как она сама.

- Держи, - Оливер грубо всучил ей билет, как раз когда они подходили к выходу на посадку.

Она посмотрела. И тут же поняла их место назначения. Чудом ей удалось совладать с собой, чтобы тут же не разорвать билет.

- Ах ты ж сволочь! – она замахнулась для удара, но вовремя остановилась, понимая разницу весовых категорий.

И она впервые не знала, что делать с той злостью, что *его* раздирала. Если кулаки и выпивка не выход, то как с этим справляться?

- Тебе нужны ответы, - как будто заботливо произнес Оливер, кладя руку ей на плечо.

Она грубо ее смахнула, презрительно косясь.

- И я найду их там? В Бельгии!? Хочешь затащить меня к моей жене! – она кричала, ни капли не смущаясь зрителей. – Да ты больной ублюдок! Что тебе от меня надо?!

Люди оборачивались и шептались, но вряд ли это было так же страшно, как стоять на сцене и говорить о своем поле.

- Все-то ты обо всех знаешь! Просто развлекаешь, смотря на наши мучения.

Девушка замолчала. Наверно, потому что Оливер никак на нее не реагировал. Началась посадка, и людей тоже перестал интересовать этот загадочный скандал. Всех усадили в самолет, и он взлетел с небольшой задержкой из-за плохой погоды.

Маргарет села у окна и долго всматривалась в него, пытаясь опустошить сознание. Так всегда делала Джоанна, словно пытаясь уйти из этой реальности. Но *он* не был Джоанной и женщиной тоже стать не мог. Поэтому мысли крутились и хаотично блуждали в *его* голове, не давая покоя. «*Джоанна далеко и никогда не узнает, что он жив*» - это она себе твердила. А теперь Оливер тащит ее в самое пекло.

- Ты не перерожденный, верно? – спросила Маргарет у соседа, пытаюсь сделать голос как можно ниже, чтобы это походило на мужской разговор.

- Самый настоящий.

- Но ты ведь совсем нас не понимаешь. Если ты пережил тоже самое, то как можешь так поступать? Ты же знаешь, что у меня нет выбора, кроме как следовать за тобой.

- Чувствуешь себя беспомощным? – он принял условия мужского разговора.

- Я как будто вижу очень длинный кошмар, от которого никак не могу проснуться. И все жду, что Джоанна пихнет меня во сне, и я свалюсь с кровати. Господи, ей же сейчас должно быть за семьдесят. Жива ли она вообще...

- Жива, - многозначно сказал Оливер.

- Зачем тебе это? Говори, что хочешь, но ты совсем не похож на перерожденного. И взрыва ты не помнишь, - мужчина хотел возразить, но она перебила: - Не пытайся! Не помнишь!

- Ты думаешь, я злодей. Но я пытаюсь помочь. Всем вам.

- Как же. Мы ведь бросили их там. Вряд ли им удастся вернуться.

- Ну, в таком случае помогу хотя бы тебе.

Маргарет грубо пихнула его вбок, но злость отпустила. Хоть страх никуда и не делся. Джоанна приходила каждую ночь и каждый раз придумала новые способы его убийства. Если *он* посмотрим ей в глаза, то умрет на месте просто от ее взгляда.

«Дорогие пассажиры, просим вас пристегнуть ремни. Самолет начинает снижение»

- Я не пойду, - вяло произнесла Маргарет, чувствую, что заболевает.

Они сидели на лавочке. Была половина двенадцатого, и стояла ранняя весенняя жара. Футболка и джинсы противно прилипали к телу, солнце давило на голову, а глаза медленно сжигал его свет. Но девушка была готова просидеть так еще целую вечность, только бы не идти и не стучать в дом напротив, где жила теперь Джоанна Говард. Раньше у нее была совсем другая фамилия.

- Я не пойду тем более, - усмехнулся Оливер.

На секунду ей показалось, что они сейчас просто встанут и уйдут, но мужчина не шелохнулся.

- Ну же, будь мужчиной.

- Мне это уже ни к чему.

- Я говорю вовсе не про то, что у тебя между ног, а про смелость, которой ты не отличалась и в прошлом.

Маргарет затрясло. Возможно, ее знобило.

- Если я это сделаю, ты скажешь, кто ты такой? – на удивленный смешок мужчины она добавила: - Ну, должна же быть какая-то компенсация – (нервный смех).

Она не верила, что все это может закончиться хорошо. Все гудело и сотрясалось, и было непонятно, внутри или снаружи. Вот-вот снова взорвется Бетельгейзе и на этот раз разнесет на щепки все. Этот взрыв давно предсказан и неминуем. Вот только как бы его избежать?

- Давай, - она сказала это сама себе.

И пошла. На секунду девушке показалось, что она падает. Ноги предательски подкосились от боли. Но шаг за шагом Маргарет приближалась к уютному домику в английском стиле с красивой верандой и ухоженным садом. Авельсон еле дотронулась до калитки, но та быстро откликнулась и со скрипом впустила ее. Тут всегда ждали гостей, но этот гость им не понравится.

Маргарет замерла посреди сада. Джоанна ненавидела копать в земле. По крайней мере так она говорила, когда *он* на этом настаивал. «Ох, Джо...Что же я натворил?» - раскаяние просочилось в кровь.

В окне мелькнул силуэт, и девушка отшатнулась. Она тут же развернулась, готовая бежать. Но ни на что уже не было сил. Сердце билось как сумасшедшее. Отворилась входная дверь.

- *Kann ich Ihnen helfen?*³ – это был старый и незнакомый голос.

Маргарет обернулась. И Бетельгейзе вновь взорвалась. Сердце остановилось.

- *Sind Sie zu mir gekommen?*⁴ – пожилая дама мягко улыбнулась.

Морщины обрамляли все ее лицо, не пощадив ни кусочка некогда молодой кожи, все волосы были седыми, руки слегка тряслись. Она постарела слишком рано. И *он* посмел ее не узнать. Это была последняя ошибка, которую *он* мог себе позволить.

- Ну что же вы, девушка? Заблудились? – дама перешла на ломанный английский.

- Joe, wer ist da?⁵ – еще один хриплый голос.

К двери подошел старик, которого жизнь потрепала еще сильнее. Он приблизился к Джоанне и приобнял ее. Он успокаивающе погладила его по руке. И в этом жесте было больше любви, чем во всей их семейной жизни. Это был выстрел. И на этот раз он попал в цель. В этом пожилом мужчине Маргарет увидела лицо того раненого солдата. Да, это был не он в полном смысле, но его дух и подобию виднелись в глазах старика.

- Кто вы? – уже настойчивее спросила Джоанна.

А Маргарет стояла, и слезы текли по ее щекам. Он ненавидел слезы, презирал тех, кто плачет, бил за это жену. И сейчас перед ним стояла незнакомая женщина, не сохранившая ни единого уголка для него в своем сердце.

- Боже, милая! Зайди в дом, я заварю чая, и мы спокойно поговорим.

3 «Я могу вам помочь?» (нем.)

4 «Вы пришли ко мне?»

5 «Джо, кто там?»

Она убила его. Снова. И на этот раз он позволил. Если в мире и существуют убийства по согласию, то это было самое мирное из всех.

- Ins Herz⁶, - это было неединственное, что она хотела сказать, но единственное, что смогла.

Лишь краем глаза Маргарет видела тень сомнения на лице жены. Только на секунда она позволила себе в последний раз вспомнить «прошлую» жизнь. А потом память сгорела. Взгляд потух, и Джоанна снова стала неизвестной старушкой, которой уже время было готовить обед.

- Едем! - приказным тоном крикнула Маргарет, подбегая к Оливеру.

Тот стоял в нескольких домах и думал о чем-то своем.

- Ты нашла свой ответ? - безмятежно спросил он, наслаждаясь видом.

- Едем! - повторила девушка, ловя такси. - Это был взрыв? - вдруг спросила она.

И они оба застыли, прислушиваясь.

[Леон Мартис]

- Ты предлагаешь положиться на случай? Удачу? — ошарашенно спросил Мартис, смотря на Амелию.

- Не на удачу, а на точный расчет.

Клинта с ними уже не было, так как после объяснений Амелии он тут же пулей выскочил из номера на поиски Лорента.

- Если Клинт сможешь отвлекать его достаточно долго, то вряд ли он прочтет дальше первых строк. Нам всего лишь нужно продержаться до завтрашнего собрания, и все тузы буду у нас.

Женщина рассказывала обо всем так воодушевленно, что Мартис на секунду подумал, будто она получает от этого удовольствие.

- Не понимаю, зачем надо было говорить о записях. Если завтра Лорент перед всеми огласит, что Клинт - Тот самый, то показать записи будет не проблемой.

Амелия понимающе кивнула.

- Я знаю, что это риск. Везде сплошные риски. Но их проповедник - Лорент, так что мы до конца должны играть эту игру с ним. Он должен объявить о продолжение записей. Тогда люди точно поверят.

- Этого все равно не будет достаточно, - угрюмо заявил Мартис. - Да, там полным-полно фанатиков, но я видел их лица. Многих просто нужна вечная жизнь без обязательств. Они не остановятся просто потому, что автор записей вдруг стал выступать за гуманизм. И они пойдут за Лорентом даже как за злодеем, а не миссией.

- А если мы разоблачим его настоящее тело?

- Все равно.

- А если мы...

6 «В сердце» (нем)

Мартис понял, что вертелось у нее на языке. Но убитым Лорент помешает им еще сильнее. И все же этого всего было недостаточно.

- Мне нужно позвонить, - задумчиво сказал журналист, еще не совсем понимая, с кем собрался говорить.

- Я видела старый стационарный телефон у входа в Дворец, - сказала Амелия, не совсем понимая, с кем он собрался говорить.

Но оба промолчали.

- Алло, - в трубке раздался раздраженный женский голос.

Мартис помедлил, подумав, что ошибся номером. Но решил все же убедиться:

- Нина? - тихо, словно стесняясь произносить это имя, спросил он.

Женщина на том конце ахнула.

- Леон..., - эхом прошептала она.

Господи, это действительно была его жена! Какой же умелой актрисой она оказалась. Журналист гневно подумал бросить трубку, но остановился, понимая, что у него нет выхода.

- Как ты? - бесстрастно поинтересовался мужчина.

- Нормально, - был сухой ответ.

Было слышно, как у нее дрожал голос. Скорее всего она ни раз плакала после его ухода. Если эта ее черта - правда.

- Откуда ты звонишь?

- Из Нового Дворца Наций, - это прозвучало, как шутка.

- С ума сойти. Его отстроили? - Нина осеклась. - Ты в порядке?

Он не знал, что крылось за этим вопросом.

- Наверно, - (молчание). - А ты?

- Буду, когда ты вернешься домой.

«А я точно вернусь?» - промелькнула шальная мысль. Мартис не знал, к чему или кому надо возвращаться. И он все еще злился на Нину, хотя она, скорее всего этого не заслуживала. Женщины на восемьдесят процентов состоят из обмана. Что толку было уповать на остальные двадцать? В какой-то момент журналист даже почувствовал укол вины за то, что бросил ее там одну. А его жена ненавидела быть одна.

- У меня есть к тебе просьба. Очень и очень важная, - он вдохнул побольше воздуха. - (...)

Нина долго молча, и Мартису оставалось только гадать, что она ставит на чаши весов.

- Если я это сделаю, все будет как раньше? Ты вернешь, и мы снова будем вместе?

Ради чего он сейчас пообещает это? Профессия учила его не давать обещаний, совсем никаких, потому все в итоге обернется против тебя. Леон Мартис был журналистом. Это единственная устойчивая характеристика, за которую он ухватился еще в двадцать. Потому что остальное в его жизни было временным. И теперь Мартис готов взорвать себя, уверенного в том, кем он будет завтра.

- Я обещаю.

Утро выдалось на удивление морозным, хотя вчера стояла ужасная духота. Мартис вышел на улицу лишь на пару минут, чтобы попросить сигарету у одного из охранников и сделать вид, что курение его успокаивает. Он даже перекинулся с ребятами парой фраз по типу: «Говорят, ночью был дождь». Но на многое его английского не хватило, хотя журналист и посещал несколько курсов.

В половине девятого начала подтягиваться толпа, и Мартис подумал, что после того, что его ожидает в этом доверху забитом здании, он уже не сможет работать внештатно. А потом мужчина подумал, что через каких-то два-три часа, наверное, взорвется еще одна Бетельгейзе. Созданная им самим.

[Клинт Латман]

Гул аплодисментов прошел по залу, когда Лорент младший вывел его на сцену. Теперь на ней стояло два маленьких мальчика с натянутыми улыбками.

- А вот и он! – торжественно объявил «Лорент».

Боже, могло ли быть что-то ужаснее. Клинту казалось, что вот-вот кто-то выстрелит ему в грудь или метнет нож. Сейчас их восторг сменится на гнев и ужас, и они будут скандировать не его имя, а похоронный марш. Но отчего-то все улыбались. И он повторял за ними.

- Да, здравствуйте, это я, - самая неубедительная фраза в мире.

Но он никогда не был оратором. Ему не хотелось снова стоять на сцене. Мальчик даже был не против, чтобы Амелия вновь вбежала и ударила его.

- И так! Вот оно – чудо! Тот, чью волю я так долго вам передавал, действительно стоит теперь здесь и готов помочь нам.

Клинт был без понятия, чем может им помочь. Вчера, отвлекая Лорента всевозможной болтовней, он обещал что-то типа финансирования и продвижения. Но в реальности Клинт был обычный бедным подростком, чьи родители работали не самыми успешными адвокатами.

У него болела раненая рука. Даже несколько промываний и перевязок не притупили боль, хоть кровь давно перестала течь. Клинту уже казалось, что он выдумал ранение, чтобы физическая боль заглушала другую...

- Мы достигнем бессмертия и сможем создать идеальный мир, где каждая жизнь ценна, - казалось бы, неподдельный восторг срывался с мальчишеских губ. – Давайте же зачитаем новые записи! Да, новые! Которые поведают нам о продолжении Его пути. От тех мыслях, которые возникли у него и, скорее

всего, возникнут у вас после перерождения. Наверняка, потом мы пустим его огромным тиражом, как руководство для нового мира и нового человека.

«Заткнись. Заткнись. Заткнись» - кричал внутри Клинт. Это был настоящий гнев, и мальчик испытал его впервые. До этого ему казалось неправильным испытывать злобу на кого-либо, кроме себя самого. А теперь он не знал, куда деться от этой ненависти. И легкого привкуса торжества. Такой коктейль эмоций испытывает не каждый человек и далеко не каждый день. Тем более Клинт. Оставалось лишь одно мгновение до того, как его записи будут прочтены, и в этом мире взорвется новая Бетельгейзе. Праведная и чистая.

Помощник вынес «Лоренту» старый ежедневник с твердым переплетом и цветными страницами. Он был чуть больше школьной тетради. Мальчик с напускным трепетом взял ее и торжественно раскрыл словно новую Библию.

У Лаймана внутри все перевернулось. Его затошнило, голова закружилось, перед глазами поплыло. И все это в тот момент, когда он понял, что блокнот не его. Наигранная улыбка упала с лица и была растоптана тысячей ног, что у сцены. Клинт понял, каким был дураком. Кто сказал, что, перерождаясь, ты сохраняешь взрослый ум? Едва ли. Столько усилий, чтобы отвлечь Лорента от прочтения записей вчера, было потрачено впустую. Он не собирался их читать. Скорее всего, мужчина придумал «новые» записи еще в тот момент, когда понял, кто такой Клинт. Или еще раньше, раздумывая нанять актера на роль перерожденного политика. Да его же просто убьют, чтобы доказать возможность перерождения.

Мальчик почувствовал, как на него уже наставили дуло из-за кулис.

- Т-ты..., - хрипло обратился мальчик в Лоренту младшему.

Но что он хотел от ребенка, рожденного для этого дня?

- «Мой эксперимент удался. Я переродился. И теперь во мне, как никогда, кипит уверенность, что это чувство должен испытать каждый ныне живущий человек...» - медленно начал читать мальчик.

Клинт даже не мог понять, написано ли действительно что-то в блокноте, или это просто заученный текст. «Какой же я идиот» - пронеслось в голове. Он побледнел, потом позеленел и попытался найти, на что опереться, но сцена держала его в своих силках. Люди толпились, толкались, смотрели своими безумными глазами и впитывали ушами то, что Клинт никогда не писал.

Мальчик в страхе посмотрел туда, где должны были стоять Мартис и Амелия. Это было страшнее всего - снова сделать ей больно. Сейчас она услышит эту глупую речь, и решит, что Клинт врал. Женщина подумает, что он ни капли не изменился и просто водил ее за нос.

Лицо Амелии было непроницаемым. Мартис, которого толпа прижала к ней практически вплотную, что-то прошептал женщине. Та кивнула и стала подбираться ближе к сцене. Мужчина за ней.

А Клинт стоял и пытался холоднокровно взвесить все варианты. Но не мог. Потому что теперь умел не только думать, но и чувствовать. Импульсивные решения всегда были для него загадкой, и сейчас ему представился шанс принять одно из таких.

- «Я уверен, что нас мир станет чище, лучше, идеальнее, если все мы...» - «Лорент» оборвался на полуслове.

Потому что Клинт выхватил у него блокнот и стал яростно выдирать страницы – они действительно были исписаны тонким каллиграфическим почерком. В толпе начались волнения. Люди начали возмущенно кричать и требовать прекратить безобразие.

- Сами вы безобразие! – по-детски в сердцах крикнул мальчик, ужасаясь собственной наглости. – Это не я! Уже не я! – кричал он.

Амелия пыхтя и не без помощи Мартиса забралась на подмостки. Журналист тоже вскарабкался за ней, но тут же скрылся за кулисами. Женщина грубо вырвала остатки блокнота у обезумевшего Клинта из рук, чем заслужила мертвую тишину в зале. Потом она подошла к ничего не понимающему маленькому мальчику и просто взяла его за руку. По-матерински. Клинт боялся смотреть на женщину, не зная, какое выражение лица у нее сейчас.

Все молчали, ожидая финала представления. И он не заставил себя долго ждать. Через какие-то пару секунд вышел Мартис вместе с уже настоящим Лорентом. Лица у обоих были чуть припухшими и смятыми, одежда местами была грязная и порванная. Различие между ними было лишь в том, что у Мартиса в руках был новенький пистолет, приставленный к голове Лорента.

- Что происходит? – немного успокоившись спросил Клинт.

Ему казалось, что он дышит огнем.

- Что вы творите? Отпустите меня немедленно! – кричал настоящий Лорент.

У его на лбу вздулись вены, вот-вот и пойдет пена изо рта. Для мессии он выглядел слишком уж ужасно. Люди же ошарашенно молчали, не совсем понимая, для чего разыгрывается весь этот спектакль. Похоже, им не хотелось много думать и сильно вникать в ситуацию. Так они себе представляли вечную жизнь?

«Забавный факт» - подумалось Клинту. – «Если у человека нет чувств, он мечтает лишь бесконечно думать и анализировать, размышлять и философствовать, расширяя границы собственного сознания. Если же у человека есть чувства, то он предпочитает отказаться от разума».

- Этот человек – настоящий Лорент! – крикнул Мартис, подходя ближе к краю сцены. – Он обманывал и продолжает вас обманывать!

Все в зале начали перешептываться. Из плотно закупоренной бутылки пропаганды разлилось сомнение.

- Скажи им!

- Я скажу все, что вы хотите. Только отпустите, - проскулил мужчина, и стало понятно, что за игру он ведет.

Давить было бесполезно. Амелия пыталась поговорить с мальчиком, чтобы тот подтвердил слова журналиста, но ребенок отпирался. Это был смысл его существования.

- Ну же, дружок, помоги нам. А мы, обещаю, поможем тебе, - умоляла женщина на глазах пыливой публики.

- Он заставил этого маленького мальчика выдавать себя за Лорента, чтобы вы поверили в перерождение. Но никакого перерождения не существует! Это все сказки. Вечная жизнь – лишь иллюзия. Очнитесь, вас обманывают!

Снова перешептывания. Но никакого отклика. Словно они ждали официально заверенного подтверждения с подписью. «Если эти люди отказываются от разума, то надо использовать эмоции» - решил Лайман и наклонился к «Лоренту»:

- Ты ведь уже далеко не маленький мальчик. Твой интеллект развит в разы лучше твоих сверстников. У тебя есть недюжинный ум, цель в жизни, средства к ее исполнению. И я не хочу у тебя это отнимать, - Клинт пытался говорить мягко, но при этом с ним на равных. - У меня тоже это все было. Но я не помнил лиц своих родителей, не имел друзей, не делал глупости, не испытывал возбуждения или страха. Вообще ничего не испытывал. И вот я здесь. И ты - моя маленькая версия - тоже. Что же из этого следует?

Мальчик выглядел озадаченным, словно пытался просчитать ответ по какой-нибудь формуле. Люди с замиранием слушали их диалог. Лорент стоял, обкусывая губу.

- Да без понятия, что из этого следует, - усмехнулся Клинт и почувствовал, будто ему на грудь вылили что-то теплое. - Наверно, что мы оба очень умные дураки. Вот ты ведь читал мои записи, да? - «кивок». - Ну так вот. Так всякие числа, формулы, примеры, серьезные умозаключения. А знаешь, что было во второй, - он печально вздохнул, понимая, что блокнот уничтожен. - Там я описывал погоду, например. Или что я думаю о новом платье моей мамы. А еще о звездах, не о тех газовых шарах, болтающихся за миллиарды световых лет от нас, а о тех очень красивых светящихся маяках надежды на небе.

Мальчик любопытно придвинулся поближе к Клинту. Да так, что их разговор перешел в шепот, слышный только им одним.

- Разве это ни одни и те же небесные тела? - удивленно спросил «Лорент».

- Я сам был удивлен, когда узнал. Оказывается, мир в глазах каждого человека разный. И пусть мы с тобой знаем, что звезда – это газовый шар, для многих это просто нечто красивое. Ты когда-нибудь пробовал измерять все в «красоте»? Нет? Тогда ты удивишься, какая это субъективная величина. Но, по крайней мере, ее хватает на всех. Хочешь узнать еще?

- Да! - глаза ребенка загорелись, по-настоящему - по-детски.

- Тогда скажи всем об этом.

Ребенок высвободился из хватки Амелии и посмотрел на зрителей. Клинт лишь на секунду снова притянул его к себе и добавил:

- Только не забудь представиться. Своим именем. Придумай что-нибудь запоминающееся.

Мальчик кротко кивнул. Тысячи глаз смотрели на него, но публика его не пугала.

- Здравствуйте, друзья, - начал он со стандартной фразы. Зал тут же откликнулся криками и аплодисментами. - Меня зовут Штерн⁷. И сегодня я не

⁷ Der Stern – звезда (нем.)

знаю, зачем собрал вас, ведь у каждого свое представление о мире, - он оглянулся на Клинта. - И я хочу узнать, какое оно у меня...

- Нет-нет-нет, - закричал Лорент прежде, чем кто-то что-то понял. - Все не так! Он настоящий! Нет-нет-нет, - он перевел дух и продолжил спокойнее. - Перерождение настоящее! Я знаю, я видел. Может, он и не Лорент, но я гарантирую результат. У меня есть лаборатория, и не одна. Я все вам покажу! Давай! - мужчина обратился к держащему его Мартису. - Давай! Стреляй! Я возрожусь по-настоящему, и тогда все поймут, что я не лжец.

Журналист печально усмехнулся.

- Раньше надо было перерождаться, дружище, - он перевел взгляд на часы на левой руке. - Потому что сейчас уже поздно.

Клинт резко развернулся к журналисту лицом и увидел горькое торжество на его лице. Его мозгу понадобилась лишь доля секунды, что понять, почему. А потом прогремел взрыв такой силы, что задрожало все здание. На головы посыпалась штукатурка. Следующий взрыв, раздавшийся через пару минут, был где-то дальше, но не менее впечатляющий. Стены и пол дрожали.

Тут-то и началась паника. Не известно, понял ли кто-то из присутствующих природу этих взрывов, но в любом случае все они слились в одну бешенную реку, сносящую все на своем пути. Ужас, крики, хаос. Все побежали к выходу, хватаясь за головы.

Лорент, воспользовавшись общим смятением, выкрутил Мартису руку и прыгнул вниз со сцены, где его тут же понесло «течение». Журналист тут же двинулся за ним. Клинт с секунду помедлил. Они с Амелии поймали взгляд друг друга. И это была их самая чувственная беседа. Он бросился следом за мужчинами, оставляя Штерна в крепких объятиях женщины.

- Стой! - по-видимому кричал Мартис, но его голос сливался с тысячью других.

Клинт бежал, не зная, кого хотел догнать, ведь к обоим у него были вопросы. И в то же время он бежал, потому что так чувствовал. Толпа несла его, и мальчик чувствовал всеобщее смятение. «Зачем? Почему?» - крутилось у Клинта в голове.

Еще один взрыв сотряс весь город. Где-то там, далеко, но все почувствовали. Половина людей резко сменила свой маршрут, видно надеясь укрыться поглубже в Дворце. Один чуть не сбил Клинта с ног, оцарапав щеку ногтем. Было очень сложно не потерять Мартиса из вида. От недостатка кислорода начинала кружиться голова, от людских криков бросало в дрожь.

Раздался выстрел. «Первый» - с ужасом подумал Клинт, потому что за первым в такой толпе всегда следовали остальные. И второй не заставил себя долго ждать. И тут страх превратился в безумие. Охранники принялись палить в воздух, призывая к порядку, но это только усиливала общий страх. Следы войны еще были свежими. Людям мерещился их запах.

- Мартис, стой! - попытался остановить мужчину Клинт.

Но журналист пытался прицелиться в Лорента, продираясь через чужие тела. Кто-то уже лежал на полу не двигаясь. Еще секунда и от руки Мартиса мог пострадать любой человек. Клинт ускорился, пользуясь преимуществами своего маленького тела и просачиваясь между людьми. Он слышал, как кто-то

пытается всех успокоить. Но эмоции уже захватили власть над разумом. Эта победа пугала мальчика не меньше, чем противоположная.

Они выбежали к лестнице, с которой многие уже летели кубарем. Мартис остановился у самого края, отталкивая людей и прицеливаясь. Лайман бросился на него. Они сцепились, понимая, что поддаются общему порыву. Мужчина и подросток яростно сражались за пистолет. Лорент тем временем оказался зажат у выхода. Толпа придавила его к стеклу. Мартис увидел это и подался вперед. В итоге он покатился по лестнице, бессознательно хватаясь за Клинта и таща его за собой.

В голове у подростка все перемешалось. Мир кружился, и он еще какое-то время не понимал, что уже лежит на полу тяжело дыша. Журналист, лежащий рядом, с трудом поднялся, Клинт потянулся к нему. Они одарили друг друга пронизывающим взглядом.

- Зачем ты это сделал? – прокричал мальчик Мартису в ухо.

Мужчина замялся, и Лайман врезал ему локтем в челюсть и перехватил оружие. Лорент наблюдал эту картину краем глаза, не способный пошевелиться. Он был в ужасе. Когда два пальца – Клинта и Мартиса – застыли на курке, мужчина почти забился в истерику. Раздалось два выстрела. Один на втором этаже, другой на первом. И оба лишили кого-то жизни.

- Кто? – выдохнул Мартис, садясь на ступени.

- Не знаю, - соврал Клинт, переводя дыхание.

У него была разбита губа, и, кажется, сломано ребро. Может, два. Журналист выглядел не лучше. Поток людей практически иссяк. На улице их уже начали отлавливать и успокаивать специальные службы.

- Ты уничтожил их! Ты уничтожил лаборатории!

- Да, - не стал отрицать мужчина. – Если бы я этого не сделал, Лорент бы победил.

- Думаешь, он был суперзлодеем, которого надо бы победить? – Клинта тошнило. Может, от сотрясения, а, может, от чего похуже физических травм.

- Он бы убил миллиарды. Но я не скажу, что доволен всей этой ситуацией, - мужчина развел руками и истерически хохотнул. Его трясло.

Спустя минуту со второго этажа спустилась Амелия с Штерном. Дворец уже почти опустел, оставшие люди спускались медленно, словно в каком-то трансе. Повисшая тишина пугала больше криков.

- Что тут произошло? – ошарашенно спросила женщина.

Потом она осмотрелась и молча кивнула.

- Что произошло наверху? – спросил Мартис, смотря на запачканную кровь одежду Риксли.

- Ничего.

Они сидели в четверым на ступенях первого этажа Нового Дворца Наций, их била дрожь. Но потом все прошло, и наступило успокоение.

- Кто бронирует билеты? – со смехом поинтересовался Клинт.

Ему было так хорошо и свободно.

- В таком виде нас дальше территории Дворца не пустят, - констатировал Мартис.

- Я в душ, - сказала Амелия.

И пошла в душ.

[Нина Мартис]

Она была послушной. И даже если это противоречило все ее планам, Нина исполнила просьбу мужа. В конце концов он пообещал, что все будет, как прежде. Поэтому женщина послушно позвонила во все инстанции, которые знала, и послушно монотонным голосом зачитала им полный список всех лаборатории в алфавитном порядке по странам. На следующий же день всех работников выпроводили, вручили повестки в суд и сровняли здания с землей. Природа вокруг Дьёрской лаборатории, конечно, и так не отличалась особой красотой, но теперь здесь остался только запах дыма и гари. Столько лет работы коту под хвост. Ну, теперь люди могут умирать спокойно, не боясь (или не надеясь) переродиться.

- Доктор Мартис? Вы идете? – один из бывших подчиненных потрепал ее по плечу.

- А? Нет. Я пока останусь тут.

Лабораторию уничтожили пару часов назад, и только сейчас люди наконец оправились от шока и начали потихоньку разбредаться. Никто из них не знал, что все устроила Нина. «Леон, прошу. Возвращайся скорее» - мысленно молила она.

Машина подъехала ближе к четверем. Из нее вывалились трое – Леон, Амелия и Клинт - весело о чем-то переговариваясь и смеясь. В машине остался спать какой-то мальчишка. Нина тут же подбежала к мужу и крепко его обняла, опьяненная запахом его тела. Муж в ответ слегка ее приобнял и как-то быстро отстранился. Смех прекратился, и никто не знал, что сказать. Лаборатории теперь не было.

- Спасибо, - устало сказал Леон. – Что уладила проблемы с нашим перелетом.

- Ну, должна же я была что-то попросить взамен. Ну, не считая амнистии, - пожала плечами жена. Потом она присмотрелась к журналисту внимательнее.

- Господи, что с тобой было?! Столько синяков. А рука?

Рука Леона была подвязана какими-то тряпками и, похоже, сломана.

- Пустяки.

Остальные выглядели не лучше, но до них Нине дела не было. Она мечтала лишь побыстрее оказаться дома с мужем наедине.

- Поедем домой? – с надеждой прошептала женщина.

Но Леон как-то неуверенно топтался на месте.

- Я не...А Оливер с Маргарет еще не здесь?

- Ох, эти, - раздраженно сказала Нина и достала телефон. - Они приехали сюда около двух и просили позвонить, когда придете вы. Не самым дружелюбным тоном. Набросился на меня, стал кричать. Потом они ушли куда-то в сторону леса.

Она нехотя набрала номер и, услышав мужской голос, тут же сбросила. Уже через пятнадцать минут к обломкам лаборатории подбежали двое. Вид у них был не такой страшный, но не менее отталкивающий. Как минимум, они оба были в гневе.

- Как ты мог?! - прорычал Оливер, подбегая к Леону и хватая его за рубашку. - Что ты натворил?! Ты хоть знаешь...

Все, кроме Маргарет, оцепенели, ведь никто еще не видел Оливера таким.

- Ты! Ты разрушил все!

- Эй, успокойся! - Нина встала между ними прежде, чем это успела сделать Амелия. - Звонок сделала я, так что не трогай его.

- Нина, я и сам мог бы...

- А ты куда лезешь? - Оливер перекинулся на женщину.

И в этот момент она поняла, какую ошибку совершила - разозлила единственного человека в этом мире, который знал ее тайну.

- Я..., - испуганно пролепетала она, но было поздно.

- У нас с тобой был уговор, но тебе оказалось этого мало. Думаешь, раз разрушила мою жизнь, я оставлю твою в покое?

- Эй, не кричи на нее, - вступился Леон.

- Ой, не пытайся ее защищать. У меня есть лекарство, которое даст протрезветь вам обоим. Чтобы вам было также больно, как и мне.

- Оливер..., - Маргарет положила руку ему на плечо.

Она знала *его* тайну. Ту, самую сокровенную, до которой не добирался еще ни один человек. А Нина не знала. А если бы и знала, это бы уже не спасло ее.

- Ты ведь уверен, что знаешь, кто она такая. Думаешь, что знаешь. Нет-нет, я не про этот маленький секрет с работой, - усмехнулся Оливер, смотря на страх в глазах женщины. - Я о большом-большом секрете, который она хранит уже...сколько? Одиннадцать лет? Больше?

Нина чувствовала, как все ее тело остывало. Она была готова упасть замертво, лишь бы не слышать правды о самой себе.

- О чем ты? - Леон напрягся, и Нина приблизилась к нему, готовая молить о прощении.

- О том, кем была Нина Мартис в прошлой жизни, - упиваясь всеобщим непониманием, он продолжил: - Да-да, она тоже перерожденная. Но это ведь не все, верно, Нина? Скажи, скажи сама!

Она не могла винить во всем Оливера, ведь действительно знала, как лаборатории были важны для него. Но он поступал настолько жестоко, насколько только мог человек.

- Пожалуйста! – взмолила она.

- Она умерла в двадцать третьем. В тридцать пять лет. Тебе ведь тридцать четыре? Еще немного и можно праздновать, да? – он перешел на шепотом, едва слышный из-за ревущего ветра. – И у нее был сын, совсем маленький. Ему было всего шесть лет, когда он лишился матери. Какая ужасная трагедия.

Нина видела, как меняется лицо Леона от осознания правды. Он всегда был очень смышлёным.

- Но ничего страшного. Ведь его дорогая мама переродилась всего через четыре года. И вот. Они встретились. Наверно, ты ощущал что-то этакое в ней? – обратился Оливер к журналисту.

- Леон, я всего лишь...! – Нина бросила к сыну, но тот отшатнулся от нее.

Его глаза ничего не выражали, губы дрожали, а лицо было белое, как мел.

- Господи, - с ужасом произнесла Амелия. – Ты его мать...

И эти слова закончили жизнь Нины Мартис. Она в порыве отчаяния бросила на Амелию, словно та была виновна во всем. Но Оливер грубо оттащил ее. Теперь они оба были сломаны.

- Обидно, - уже без злости сказал он.

- Я предупреждала, что ваш брак был губителен с самого начала, - равнодушно заметила Маргарет.

Она стояла чуть поодаль, отрешенная, словно вся эта сцена ее уже не волновала. Нина зарыдала.

- Я не хотела ничего плохого! Я просто хотела быть рядом с ним!

- Да ты же вышла за меня замуж! – взревел Леон, подходя к ней вплотную.

- Ты бы не поверил, скажи я правду. Что мне оставалось? Чем плохо? Мы ведь и не целовались даже толком.

Мужчину вырвало на месте. Насколько омерзительна она ему стала.

- Прошу, Леон! Позволь нам начать сначала. Я буду, кем ты хочешь!

- Не говори со мной. Вообще больше ничего не говори, - тяжело дыша сказал Леон и больше не смотрел в сторону матери.

Женщина зарыдала еще сильнее, пытаясь вырваться из крепкой хватки Оливера.

- Прошу,пусти! Ты уже отомстил мне. Ты лишил меня смысла жизни. Пустит.

- Я сделал то, что правильно. Теперь я помогу тебе, как помогаю всем перерожденным.

Нина посмотрела на него затуманенным взглядом, едва слыша, что он говорит.

- Я дам шанс, -он кивнул на Леона. – быть с ним. Как Нине Мартис.

- Что ты...? – Амелия подступила ближе, но Маргарет ее остановила.
- У меня есть «лекарство», которое освободит твою душу и даст жизнь Нине. Настоящей Нине, - Оливер вытащил из сумки маленький угловатый предмет и поднес к лицу женщины. – Это аусваль⁸. Наверно, я слишком долго жил в немецкоязычных страна, раз дал такое имя. Но это неважно. Этот прибор вернет твою душу туда, где ей место.
- Я не...хочу уходить, - сквозь слезы сказала Нина.
- Подожди, это что..., - понял Клинт. – Это уменьшенная версия моего прибора? Я создал его путем тысячи экспериментов и использовал колоссальное количество излучения. И при все при этом он весил не меньше тонны. К тому же, чтобы настроить его на отделение души, нужны не только мои записи, но и необходимые ресурсы.
- О нет-нет-нет, этот прибор работает только как отделитель. Соединять души ему не под силу. Для это действительно нужен огромный запас излучения.
- Но ведь...
- Я создал его еще давно. Для себя. Но пока как-то не нашел повода им воспользоваться, - мужчина горько усмехнулся.

Оливер был самым странным из всех и хотел остаться таковым до конца. Он приложил прибор ко лбу Нины. Та затряслась. Она отчаянно хотела жить вместе с Леоном. Даже если он не захочет, ей хотелось хотя бы наблюдать издалека. Но Оливер держал крепко. Маргарет взяла ее сзади за плечи.

- Прошу...Я не хотела ничего плохого...

Это были ее последние слова. Дальше мысли стали путаться и перемешиваться. А потом все мысли вовсе исчезли. Стало очень тихо. Наступило успокоение.

[Амелия Риксли]

Она слышала, как Мартис шумно вздохнул. Женщина с ужасом наблюдала за всей этой картиной. Но еще страшнее стало осознание того, что прибор действительно работает. Женщина, занимавшая тело Нины Мартис, исчезла. Сейчас на земле без сознания лежала настоящая. Никто не знал, что будет с ней дальше, но теперь каждый понимал, что перерождение – всего лишь изощренный вид паразитирования. Стереть память? Какое там. Это действительно самое настоящее стирание чужой души.

- Как ты...? – пораженно спросил Клинт, не веря своим глазам. – Это невозможно...
 - Разве? Хочешь, проверим еще на ком-нибудь, - шутливо предложил Оливер.
 - Кто ты такой? – Амелия подошла к нему, пытаясь найти в его глазах правду.
 - Слишком страшный секрет. И больше я его никому не открою.
- Амелия уже давно поняла, что Маргарет знает.

- Так что, как я и сказал, это - аусваль. Ваш выбор. Не смотрите на этот пример, - он указал на Нину. – Обычно, это действительно выбор.

⁸ Die Auswahl – выбор (нем.)

- Но это ведь...

- Я следующий, - выступил Клинт.

Амелия посмотрела на него, не понимая, что чувствует. Вот он, тот самый момент истины. И все действительно пошло не по плану.

- Прости, Амелия, - с искренним сожалением произнес мальчик. - У нас нет другого тела для моей души. Да и этот прибор не сможет произвести такую операцию. Я никак не смог помочь тебе осуществить твою месть, мне правда жаль. Но теперь я точно уверен, что настоящий Клинт не заслуживает до конца жизни делить со мной одно тело. Прошу, позволь мне спасти его, - он встал перед Амелией на колени.

Смотря ему в глаза, женщина видела лишь страх и сожаление. Ни этого ли она хотела? Тогда почему же это казалось таким неправильным? Ее словно бы настигло разочарование в ненависти к нему. Он был таким жалким, потеряннм и уничтоженным, что все годы ненависти казались слишком значительной жертвой для такого незначительного человека. Неужели он с самого начала не стоил ее страданий? Сейчас ее убийца стоял перед ней на коленях и умолял. Когда-то он не пощадил ее, а сейчас хочет спасти не только душу мальчика, но и душу той девочки из прошлого, которая когда-то поставила себе цель убить.

- Прекрати! Прекрати быть таким добрым! - закричала Амелия. - Думаешь, я не понимаю, что ты изменился?! Я читала твои записи, - на удивленный взгляд мальчика она ответила: - Еще в том поле на границе. Ты уснул, а Мартис вытащил твой блокнот. Он его прочитал, а потом дал прочитать мне. Я словно прожила жизнь твоими глазами. И с тех самых пор мне не отделаться от мысли, что злодей теперь я.

- Это не так, - твердо сказал Клинт. - Я - злодей. Я - убийца.

- Прекрати-прекрати-прекрати! Я ненавижу тебя! И себя тоже ненавижу! - Амелия со всей силы ударила мальчика по лицу. Тот с достоинством принял удар. - Я знаю, что ты уже не тот человек. Я знаю! Но что мне делать со своей местью? Что делать со злобой, которую я копила столько лет? Скажи мне! - она снова нанесла удар. На этот раз в живот.

- А как же Штерн? Ты о нем подумал? Ты ведь обещал ему новую жизнь! - женщина ударила в челюсть.

- Ему будет намного лучше с настоящим Клинтом, нормальным ребенком с нормальными увлечениями.

Амелия била его, понимая, что никогда уже не доберется до того, кто лишил ее всего. Сейчас перед ней было тело невинного мальчика и душа уже изменившегося человека. Но сейчас ей так хотелось причинить ему боль.

В конце концов, Маргарет отвела ее в сторону, пытаясь успокоить. Мартис стоял молча, и было сложно понять, о чем он думает - о своей исчезнувшей «жене» или о исчезающем «сыне». Такая эфемерная картинка семьи действительно печалила. Было ли в его жизни что-то настоящее и постоянное? Амелии бы хотелось ему это дать.

Оливер нагнулся к Клинту, лежащему на земле.

- Готов? - спросил он.

- Ты разрешает мне? – задал Клинт свой последний вопрос. И когда Амелия, рыдая, кивнула, добавил лишь: - Спасибо.

И исчез. На обожжённой земле остался лежать только Клинт Лайман. Настоящий.

- Кто следующий? – с улыбкой снова спросил Оливер.

[Леон Мартис]

Стояла ужасная жара. Мартис вышел из дома в одной футболке. Забавно, что он не надевал такой простой одежды, как футболка, уже лет пятнадцать. А сейчас на нем в придачу были еще и шорты по колено и шлепанцы. Вот уж чудак.

Мужчина закинул в свою машину небольшой чемоданчик, уселся на руль и спросил:

- Ну, поехали?

Ответом был кивок, и Мартис выехал на трассу по направлению к своему офису. На входе его уже поджидал Донарс.

- Леон, наконец-то! Я уже подумал, что это правда, что ты..., - он замолк, оглядев коллегу с ног до головы. – Ты что, правда уходишь?

- Уж прости, так вышло.

- Но ведь...ты же настоящий профессионал своего дела! Таких журналистов, как ты, возможно, больше и нет на свете.

Мартису польстила похвала, но он уже все давно решил.

- Я думал, журналист Леон Мартис вечен.

- Я тоже.

- А как же статья? Ты ведь еще не написал свою лучшую-статью-на-всем-свете?

- Все в порядке, - мужчина добродушно потрепал друга по плечу. – Я больше не могу быть журналистом. Пора попробовать что-то другое.

- Но...

- Донарс, я пережил такое, что тебе и не снилось. И сейчас я продал дом, оставил работу и стою перед тобой в этих дурацких шортах, а у меня в машине сидит женщина, с которой я знаком едва ли больше недели, и которая в любой момент может от меня сбежать. И теперь я уезжаю с ней в неизвестном направлении. Забавно?

- Не очень, - как-то грустно заключил Донарс и медленно поплелся обратно в офис.

Мартис знал, что был для него кумиром. Но ничего поделать не мог. С того случая прошла уже почти неделя, и мужчина с каждым днем все сильнее убеждался, что хочет начать новую жизнь. Так же, как это сделали остальные. Нину и Клинта отвезли в ближайший госпиталь и оповестили родственников. Говорят, они поправятся, хоть и будут жить с легкой амнезией. Только вчера Мартис закончил оформлять документы на развод,

чем заслужил у соседей репутацию не сильно заботливого мужа. Ему очень хотелось навестить Клинта, но Мартис понимал, что он теперь обычный мальчишка-подросток и у него есть родители. Куда там лезть чудаку, который привязался к ребенку? Шерна с радостью усыновила милая семейная пара. Маргарет отказалась от отделения и уехала с Оливером черт знает куда. Все еще было безумно интересно, что же за тайну хранил этот чудик, но Мартис уже не был журналистом, и это его не касалось. А Амелия...

- Ты быстро.

- Мне надо было подписать лишь пару бумаг и попрощаться с коллегами, - весело сказал Мартис.

Амелия тоже усмехнулась. За каждый ее смешком могло скрываться желание найти Оливера и стереть себя. В конце концов ей было жаль настоящую Амелию. Но пока они решили остаться вместе и посмотреть, куда это их приведет.

- Не жалеешь? - спросил мужчина.

- Заводи уже эту колымагу, Леон! - задорно бросила Амелия и снова рассмеялась.

Сейчас им было хорошо вместе, так что об остальном можно сегодня не волноваться. Все равно человек, уверенный-в-том-кем-он-будет-завтра, уже сгорел в пламени от взрыва Бетельгейзе.

[Оливер]

Оливер сидел под проселочным мостом где-то на границе с Румынией. Шел ужасный ливень вперемешку с ветром и грозой. Маргарет час назад ушла в ближайшую деревню за едой, и судя по всему, осталась там переждать дождь. А мужчину сидел на сырой земле возле воды и думал о прошлом.

Он родился странным ребенком. Ему об этом говорили всю жизнь. Он не был рабом, но был *мальчиком*, обязанным исполнять все прихоти своей семьи. Отец, мать, братья и сестры в один голос твердили, что его судьба - защищать их. Разве ребенок мог возразить?

Он родился без дара предвидения, которым обладал весь его род поколений. И оттого стал бесполезен обществу, которое погибало и молило о помощи. Планета медленно умирала, и ни у кого не было ни сил, ни возможности что-то с этим сделать.

Маленький *мальчик* едва ли мог понять, что происходит. В его жизни была только одна цель - защита семьи. И когда взрыв расколол их маленький мир на миллиарды осколков, он молился всем богам, чтобы они переродились в лучшем.

И вот он здесь. Один. Какие-то люди зовут его чужим именем, гладят по голове и говорят, что все будет хорошо. Они ничего не требуют, ни к чему не принуждают и почему-то любят совершенно безвозмездно. Странного мальчика приняли в не менее странном мире.

Сначала ему просто хотелось умереть. Он даже смастерил устройство, чтобы отделить свою душу от этого тела, но... Все же *мальчик* был обязан своей семье. Поэтому он вырос, выучился, заработал денег и отправился искать *своих* на этой планете. Он повстречал сотни перерожденных в десятках стран

по всему миру. И в какой-то момент даже стал забавляться этой игрой в Бога. Теперь ему, словно провидцу, было известно все, а им – ничего. И *мальчик* собирал их, анализировал, забираясь им в головы и душу, а потом давал выбор – умереть или жить так дальше. И смотрел, пытаясь понять, что ему самому нравится больше.

Свои не появлялись. Но, пока лаборатории работали, люди перерождались, и всегда оставался шанс, что они появятся. И в этом ожидании *мальчику* очень нравилось. Вот только ждать вдруг оказалось больше нечего. В один миг все вспыхнуло и сгорело у него на глазах. И он остался обычным мальчиком в обычном мире.

- Эй, вот ты где!

Под пост проскочила мокрая насквозь Маргарет. Она дрожала, но улыбалась. В руках у нее была куча съестного.

- Ну и дождина, я тебе скажу.

- Ага, - эхом отозвался Оливер, все еще размышляя о своем.

Маргарет отказалась от перерождения. *Он* решил, что хочет дать такой выбор другим перерожденным, которых Оливер еще не встречал. «Возможно, я навсегда останусь мужчиной в женском теле, но пожить-то еще хочется. Да и работенка у тебя интересная» - сказала девушка неделей ранее. «Так давай я просто дам тебе прибор» - предложил мужчина. «Ой, не-не-не, слишком большие соблазны, ты же знаешь, какая я непостоянная. Да и скучно одной»

- Ты ведь знаешь, почему я помогал перерожденным? - вдруг спросил Оливер.

Девушка уселась рядом, снимая кроссовки и выливая из них воду.

- Типо хотел найти других инопланетян? Ну и понять, умереть тебе или нет.

- Скорее уже второе.

- Да неважно. Главное, что теперь тебе ничего не мешает помогать по-настоящему, по-человечески. Расслабься и живи дальше.

- И все же, почему ты решила остаться?

- Ну не-е-ет, - весело протянула Маргарет, пользуясь своей властью. - Так не интересно. Я скажу, и ты будешь знать. Вот проживи хотя бы одну жизнь, так и сам поймешь.

Оливер повеселел. Он знал, что их пути скоро разойдутся. Сейчас у них была эта странная работа, но потом каждый пойдет своим путем. И это было хорошо. За двадцать восемь лет новой жизни он так и не сумел до конца перестать быть тем *мальчиком*. И это надо было исправить. Ведь если произойдет новый взрыв, он хотел бы молить о чем-нибудь другом.

Они переждали дождь и двинулись в путь. В Румынии раньше было целых четыре лаборатории.

- И все же, он или она? - уже вынырнув из своих размышлений, весело спросил Оливер.

- Ой, что-то мне подсказывает, что вот-вот взорваться новая Бетельгейзе, и все станет уже не важно. Так что давай подумаем об этом завтра.

И завтра они об этом не подумали.